

The book cover features a woman with long, light-colored hair in a ponytail, looking upwards and to the right. Her hand is gently touching her neck. In the background, a large, glowing blue and white sphere, resembling a planet or moon, is visible against a dark, starry sky. A red, smoky or nebula-like background is partially visible behind the woman. A black silhouette of a person is positioned to the right of the woman's head. The entire cover is framed by a decorative white border with swirling patterns.

ГАЛИНА ЧЕРЕДУЦ

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Валентиновна Чередий

Перерождение

Серия «Городские оборотни», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44086733

SelfPub; 2019

Аннотация

Кто такие оборотни? Этот вопрос не волновал Аврору до тех пор, пока она не вышла как-то вынести мусор на ночь глядя и не подверглась нападению кошмарной твари, выбравшей ее в качестве жертвы для совершенно особенного случая. Но монстр напрасно обманулся маленьким ростом и хрупким сложением девушки. Исполнять роль ягненка для заклания она категорически не согласна. Внимание! Героиня – язва. Герой – настоящий кобель. Прямо с хвостом. И между ними не искры – натуральный пожар! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Предел	5
Глава 2. Одна	10
Глава 3. Ошибка	15
Глава 4. Предчувствие	19
Глава 5. Начало	27
Глава 6. Испуг	34
Глава 7. Превращение	39
Глава 8. Альфы	43
Глава 9. Шанс	52
Глава 10. Мобилизация	60
Глава 11. Мерзавец	67
Глава 12. Домой	76
Глава 13. Витек	84
Глава 14. Компромисс	92
Глава 15. Кобель	100
Глава 16. Наваждение	109
Глава 17. Пират	118
Глава 18. Схватка	130
Глава 19. Зверорожденный	140
Глава 20. Провокаторша	150
Глава 21. Правила	157
Глава 22. Сюрприз	166
Глава 23. Премия	175

Глава 1. Предел

– Ты это сейчас серьезно? – я просто задохнулась от возмущения. – Ты, мать твою, не встретил меня, потому что играл?

– Эй, какого хрена ты так бесишься, солнце? – Олег едва удосужился кинуть на меня краткий взгляд через плечо, не в силах оторваться от монитора. – Это охренеть какая важная игра, и ты же дома. В чем проблема-то?

Мои легкие свело спазмом, и я прижала ладонь к расщепленной губе. Я просто поверить не могу. Где, сука, были мои глаза до этого? Да ладно, на месте они были, просто оставаться совсем одной было страшнее, чем терпеть все это дерьмо от него. Но вот прямо сейчас все закончилось. Запретив себе разрыдаться, я решительно подошла к столу и с силой хлопнула крышку ноутбука.

– Ты рехнулась, что ли? – завизжал Олег. Господи, именно завизжал, как какая-то девка, которую ущипнули за зад в переполненном автобусе. – Ты хоть представляешь, что натворила?

Он попытался открыть гаджет, но я снова хлопнула по крышке, на этот раз пришибая его пальцы. Длинные и ухоженные, когда-то привлекавшие меня своим «музыкальным» обликом и способностью довольно неплохо играть с чувствительными местами моего тела. Что в последнее вре-

мя почти и не происходило, учитывая, что он никогда не отрывался от экрана.

– На меня посмотри! – рывкнула, даже сама не понимая, откуда во мне эта жесткость. Но, с другой стороны, прежде я никогда не оказывалась на грани группового изнасилования практически в собственном дворе. Да вообще нигде!

– Ну что еще, Рори? – вскинул он на меня раздраженный рассеянный взгляд и бегло скользнул по моему лицу и одежде. – Черт, у тебя неприятности?

– Это, блин, у тебя неприятности, Олежек! – вызверилась я. – Ты должен был встретить меня с работы, но ни черта не сделал это! На меня напали какие-то, мать их, малолетки, едва не изнасиловали и ограбили! Знаешь, я тут внезапно поняла, что не представляю, на кой хрен нужен парень, сидящий сиднем целыми днями в моей квартире, жрущий за мой счет, и который, оказывается, еще и слишком занят для того, чтобы защитить меня!

– Рори, прости, я просто потерял счет времени и... – в первый момент Олег и правда смешался и выглядел виноватым, но потом, видимо, в его скудных, но необычайно изворотливых мозгах произошли некие процессы, позволявшие ему прежде постоянно выходить победителем в наших спорах. Если честно, я позже всегда думала, как так попадаюсь вечно на его говно-объяснялки, что еще и виноватой себя ощущаю, что с нахрапу кидаюсь на бедного детиночку.

– Ты говоришь, что их была целая толпа? – сделал он боль-

шие глазки. – То есть ты предпочла бы, чтобы я был с тобой и тоже подвергся нападению? Ты хоть представляешь, что эта шпана могла тупо забить меня до смерти? Я же не телка, что могу рассчитывать только на изнасилование!

Это просто... Я к стене привалилась, ушам своим не веря.

– Ты хоть соображаешь, что только что сказал? – потрясенно спросила я. – По-твоему, быть изнасилованной – это какая-то херня, после которой женщина может просто встать, утереться, одернуть юбочку и домой пойти как ни в чем не бывало?

– Ну, это же не избиение толпой озверевших отморозков, после которого на тебе живого места нет! Если хочешь мое мнение, то, знаешь ли, считаю, легче быть оттраханным, чем избитым.

И я с ЭТИМ прожила почти семь месяцев? Задумывалась даже о перспективе создания семьи, рождения детей, глядя на косяки сквозь пальцы и убеждая себя, что у других «еще хуже»?

– Выметайся! – не кричала, потому что я и так сегодня смертельно устала и этот червяк тупо не заслуживал сил, на крик затраченных. – Немедленно!

– Ты с ума сошла? Время видела? Почти полночь! – Глаза Олега нервно заметались по квартире.

– И что? – фыркнула презрительно. – Я же домой дошла как-то, и ты дойдешь до мамочкиной квартиры! Можешь даже такси вызвать.

– У меня на это денег нет! – окрысился парень. Хотя какой из него парень?

– Ну так пешком топай, как я только что! – огрызнулась я. – А если в углу гопники зажмут, можешь предложить им отсосать или поиметь тебя в задницу, ведь сам только что сказал, что изнасилование предпочтительней избиения.

– Я не девка!

– Ой да не комплексуй так, детка! В темноте они особо присматриваться не будут! – Меня понесло, и я наверняка уже спустя час буду жалеть обо всем сказанном, но сейчас еще все тело и разум горели адреналином пережитого, и этому куда-то нужно было выплеснуться.

– Слушай, Аврора, я понимаю, что лажанул, но давай ты успокоишься, примешь ванну, а потом мы спокойно поговорим...

– О чем? О том, как меня только что лапали за грудь какие-то воняющие пивом и анашой придурки? Или о том, что один из них совал пальцы мне между ног, а другой в красках описывал, как я буду им всем отсасывать, пока двое их приятелей потрошили мою сумку и выгребали все ценное? А может, о том, что мне охренеть как повезло, что мимо проезжала полицейская машина, и, увидев проблесковый маяк, они отвлеклись, а я смогла убежать?

Олег очень правдоподобно изобразил виноватую и сокрушенную мордашку и подступил ближе.

– Рори, но ты же знаешь, что случись даже самое плохое,

я бы все равно не отвернулся от тебя и любил. Даже если бы они сделали с тобой... это, я не считал бы тебя опороченной или что-то в этом...

– Пошел на хер из моего дома! – заорала я, для верности еще и указывая рукой нужное направление.

Олег, зло прищурившись, с полминуты смотрел на меня, но потом, смирившись, двинулся к двери.

– Всегда была ненормальной, – донеслось до меня его бормотание из прихожей. – За вещами зайду завтра! Не хватало еще, чтобы ноут всякие ушлепки отняли.

Дверь хлопнула, и я откинула голову на стену с глухим стуком. Ну конечно, сохранность драгоценного гаджета гораздо важнее безопасности женщины, с которой живешь бок о бок. Как, блин, я вообще докатилась до такого жалкого подобия отношений?

Глава 2. Одна

Две недели спустя

Я вытерла пот с холодного лба и снова приникла к дверному глазку. На лестничной клетке никого не наблюдалось, и, как я ни прислушивалась, ни единого звука не доносилось из подъезда. Все нормальные люди уже дома, ужинают перед телеком, и только я одна как идиотка стою под дверью с завывающим желудком и ощущением прожигающего насквозь голодного взгляда Барса между своих лопаток и не решаюсь просто взять и выйти. В который раз за последние две недели я пожалела, что у меня нет друзей, которые помогли бы мне с ма-а-алюсенькой возникшей проблемкой, и что даже никчемного своего парня я опрометчиво выгнала. Кто же знал, что, когда я остыну, меня накроет такой омерзительной хренью, как панический страх перед любым выходом из квартиры? Я в какой уже раз стиснула телефон, думая, не унизиться ли по полной и не позвонить ли Олежеку с просьбой вернуться. По крайней мере, сходить в магазин за продуктами он был способен.

– Да на хрен! – стукнула я кулаком по двери. – Я тоже на это способна! Просто нужно собраться и сделать это! Больше тянуть нельзя!

Отпуск, выклянченный по телефону у шефа, был на исхо-

де, а продукты так и подавно все кончились еще вчера. Нужно только открыть чертову дверь, выйти, спуститься по лестнице, пересечь двор и пройти всего один квартал. Купить продукты и проделать такой же обратный путь. Сто миллионов раз я это делала прежде. Ладно, не так много, но все же что может быть проще?

– Дотянула, идиотка, опять до ночи, – отчитала сама себя еще раз, вытирая лоб одной рукой и сжимая другой увесистые ножны в кармане свободных спортивных брюк. – Просто открой дверь и выйди!

– Мяу-у-у! – Барс решил поторопить меня, толкнувшись лобастой башкой в голень, будто выпихивая из дому.

И да, сама я могла бы еще поголодать. День, два. Может, больше. Но оставлять другое живое создание без пищи только потому, что у меня тараканий фестиваль в башке, я не собиралась.

– Фу-у-ух, – выдохнула я, как в бане, и взялась за ручку. – Все, иду! Иду!

И правда пошла. В первый момент, когда шагнула через порог, было ощущение, что сиганула в ледяную воду: легкие сжались и свернулись в трубочку без надежды на возвращение к нормальной работе. В голове зазвенело от удущья, и я выдернула из ножен папин нож и стиснула его так, что холодный металл впился в кожу до боли. И тут же попустило. Шажок, шажок. Еще один. Вдох, почти нормальный, и следующий шаг вполне полноценный, а не семенящий практи-

чески на месте. Я иду! Я иду, мать вашу так!

Никакого лифта – из него же некуда бежать. Остановка у подъездной двери. Прислушалась до звона в ушах, но не уловила никаких звуков. Похоже, путь свободен. Вот поэтому я и досидела допоздна. Потому что не темноты самой боялась, а кого-то в ней встретить. Кого-то совсем недоброго. По двору я кралась бесшумно, нарочно выбирая самые неосвещенные места. Только полная дура станет надеяться, что топая под фонарями, как блоха на лысине, она может обеспечить себе безопасность. Черта с два! Скорее уж, сделать себя легкой мишенью. Если тебя не видно, то и стать жертвой в разы меньше вероятности. Через закоулок, в котором меня позорно зажали в прошлый раз, я пронеслась стремглав, вылетев на ярко освещенный проспект, и тут же судорожно фыркнула, заметив многочисленных в этот час прохожих. Люди – вот кто меня пугал. Не важно, кто они, какого возраста и пола – в каждом мне теперь мерещился монстр, насильник и агрессор. Лоб взмок, и колени затряслись, но я решительно оттолкнулась от стены. «Я не жертва, не жертва, не жертва», – твердила себе, заставляя делать шаг за шагом. Перед дверями супермаркета стало только хуже. Сразу же в голове замелькали картинки из криминальных новостей последнего времени, где именно в больших магазинах происходили нападения и даже убийства, и никакие камеры наблюдения и охранники никак не могли помочь.

– Со мной этого не случится! Не со мной! – пробормота-

ла, внутренне сжавшись, когда какой-то детина толкнул меня плечом, проходя мимо, и стиснула нож.

Пожилой мужик в темно-синей униформе с надписью «Охрана» проследил за мной подозрительным взглядом и увязался следом. Ну еще бы! Вся сгорбленная, взмокшая, как после марафона, наверняка с безумно рыщущими в поисках возможной угрозы глазами – тот еще видок. Ну, по крайней мере, если за мной по пятам будет таскаться настроженный секьюрити, то напасть вряд ли кто решится. Вдоль рядов я двигалась очень быстрым шагом, и полноватый бедняга прямо упарился следовать за мной, а когда я направилась к кассам, он выдохнул с заметным облегчением. Продукты я набрала только самые необходимые. Сбережений у меня не было, ограбление оставило практически без копейки, а до зарплаты, которая не будет особо великой из-за внепланового отпуска, дожить как-то надо. Главное, чтобы на корм для Барса хватило.

Пакеты все равно оказались увесистыми, бежать обратно с ними было тяжело, но я этого и не замечала ровно до того мгновения, пока не захлопнула за собой дверь квартиры и не поставила их на пол. Пришлось сразу идти в душ, а спортивный костюм отправлять в стиралку, потому что его выжимать можно было от моего пота.

– Зато я сделала это! – похвасталась я Барсу, жадно уплетавшему корм из миски. – Считаю, я выздоровела. И никаких тебе мозгоправов не понадобилось.

Подняв на меня свои огромные желтые глазищи, кот недоверчиво чихнул и недвусмысленно покосился на многочисленные пакеты мусора, накопившиеся за время моего вынужденного заключения. Надо сказать, что как бы я их плотно ни завязывала, от запаха никуда не денешься.

Глава 3. Ошибка

– Зараза, – сокрушенно вздохнула, глядя на мерзкие ядовито-зеленые мешки. – У нормальных людей есть в доме мусоропровод, а мне свезло жить в хрущевке, – но тут же приободрилась, следуя общему настроению: – Зато квартира у меня своя, и никто не приходит раз в месяц, чтобы вымогнуть последние копейки или рассказать мне, что тебя надо сдать в приют, потому что ты рвешь обои. Хотя ты тоже мог бы проникнуться и не делать этого, Барс.

В ответ я получила только изображающий полное непонимание взгляд. Ладно, если уж я в магазин отважилась сходить, то двадцать метров по двору до контейнеров как-нибудь пройду. Затянув потуже пояс халата, подцепила узкие пластиковые лямки мешков и потащила их в прихожую.

– Жизнь в страхе закончена! – громко постановила я, игнорируя бледное и осунувшееся лицо в зеркале. – С этого дня я возвращаюсь к состоянию нормального человека, а не трясушейся от каждого звука истерички.

Эйфория от уже единожды одержанной победы над собственными страхами и внешней средой наполняла кровь, и я себя ощущала просто потрясающе замечательно. Но нож в карман халата все же сунула. Не помешает потому что.

На лестничной клетке большая часть моей решимости мгновенно улетучилась, и я едва не повернула назад, но по-

том, одаривая себя всякими нелестными эпитетами, словно пинками, все же двинулась в нужном направлении. Когда швырнула первый мешок в контейнер, оттуда выскочила бродячая кошка, напугав меня так, что я шарахнулась в сторону, и, зацепившись за что-то, рухнула на бок, больно ударяясь локтем и бедром.

– Да твою же ж мать! – зашипела, стиснув зубы, и стала неуклюже подниматься, но тут же замерла, услышав где-то совсем рядом низкое раскатистое рычание.

Прищурилась, пытаясь разглядеть в темноте издавшую его псину, и одновременно выпрямилась, стараясь не спровоцировать ее резким движением. Увидеть ничего не удалось, и поэтому сочла за благо просто начать пятиться, наплевав на оставшиеся, брошенные на землю мешки. Между перспективой оказаться мусорящей свиньей и быть покусанной роющей в отходах зверюгой, я предпочту первое. Но стоило сделать пару плавных шагов, как собака снова зарычала, теперь уже гораздо громче и страшнее. Этот звук будто всверлился в мозг и вырубил в нем все логическое и разумное, диктующее хранить спокойствие и отступать медленно и постепенно, дабы не разъярить хищника, живущего в каждой поганой псине. В голове будто бомбануло, сметая все, кроме одного неукротимого стремления бежать. И я побежала. В считанные мгновения достигла ярко освещенных ступенек крыльца почему-то твердо уверенная, что туда собака за мной не последует. Мощнейший рывок за ворот ха-

лата отбросил меня, будто тряпичную куклу, к кустам, растущим в углу двора. Сознание как-то отстраненно отметило, что какую же силу надо иметь, чтобы кинуть человека на такое расстояние. Рыхлая земля смягчила падение, и хоть было больно, но, кажется, ничего не сломалось, и мне удалось тут же вскочить на ноги. Правда, в глазах поплыло, а в следующий миг я завопила от ослепляющей боли в районе ключицы, едва успев перед этим заметить метнувшуюся ко мне громадную смутную тень. Зрение было бесполезным из-за взрывающихся перед глазами фейерверков. Суматошные удары, которые я наносила, голоса во все горло, нападавшим, видимо, просто не ощущались. Он, продолжая жутко рычать, швырнул меня на землю, и что-то острое полоснуло по груди, исторгнув из моего горла еще один отчаянный вопль. Искра стало чуть меньше, и я смогла различить склонившееся ко мне нечто, сверкнувшее в тусклом отблеске дальнего фонаря жуткими влажными клыками...

– Прекратите хулиганить! Я полицию вызвала! – раздался голос моей соседки с третьего этажа, и агрессор на пару секунд замешкался. Этого мне хватило, чтобы внезапно вспомнить о ноже и сунуть руку в карман. Выдернуть его времени не было, и поэтому я просто без разбора всадила тот во что-то прямо сквозь тонкую ткань. Нападавший взревел и молниеносно отпрыгнул от меня, но так же быстро и вернулся. Соседка продолжала что-то кричать сверху и даже шарила лучом фонаря по двору, однако ублюдка, кем бы

он ни был, это не волновало. Я попыталась откатиться, одновременно выдергивая нож из кармана, но он с ужасающей скоростью и силой настиг меня и снова тряхнул, на этот раз сграбастав за пояс халата. Снова сеанс просмотра разноцветных взрывающихся точек, и сквозь эту пелену – дикая боль в грудной клетке, которую будто взрезали без наркоза. Заорав, я стала яростно тыкать ножом, не собираясь сдохнуть прямо сейчас.

Отвратительный чавкающий звук, будто лезвие вошло во что-то мягкое и влажное, жуткий рев, и внезапно я поняла, что свободна. Заколотилась от облегчения и истощения, заметив сквозь неумолимо опускающиеся веки яркие си-не-красные проблески и услышав множество голосов. Тряска, кто-то о чем-то спрашивал, причем, похоже, именно меня, и противный завывающий звук где-то на периферии. Резкий химический запах – и темнота.

Глава 4. Предчувствие

– Боже, эти дворняги совсем озверели! – донеслось как сквозь толстый слой ваты. – Это же надо так девчонку уделить! На всю жизнь же теперь шрамы, а молодая еще совсем.

– Да куда там дворнягам твоим! – возразил первому голосу второй, и, по ощущениям, оба принадлежали пожилым женщинам. – Говорю тебе, какая-нибудь зверюга здоровенная у крутых каких сбегла и творит такое непотребство. Где же это видано, чтобы дворняга вот так грудь человеку располосовала! Откуда когти-то?

– Может и так, да только результат один: была симпатичная девочка, а теперь перед мужиком и не разденется. Любой сбежит, только раз глянет.

– Жива осталась – и то хорошо. Вся скорая и коридор в кровище были!

– Пить! – еле смогла я проскрипеть саднящим горлом.

– Очнулась деточка! – К моим губам прижалась прохладная пластиковая трубочка, и я резко потянула в себя столь желанную воду, но тут же захлебнулась и согнулась в кашле. При первом же спазме в легких дикой болью вспыхнула вся верхняя часть тела, и я, внезапно вспомнив все, порывисто села на постели, зайдясь в крике.

– Да куда ж ты! – надавили мне на плечи. – Уймись, швы разойдутся на коже! Сутки всего, как заштопали тебя, девка!

Как только кашель и вместе с ним буйство боли утихли, я с трудом смогла разлепить тяжеленные веки. Я сидела на узкой больничной койке, а напротив уложились две бабульки в бледно-зеленых халатах, похожие на первый взгляд как близнецы.

– Ну как ты, горемычная? – спросила первая старушка.

– Как же тебя так угораздило? – поддакнула ей вторая.

– Насколько все плохо? – вопросом на вопрос прохрипела я, аккуратно ощупывая толстую, как подушка, повязку, охватывавшую все от правого плеча до нижних ребер.

– Ты сейчас об этом не думай, деточка, – покачала головой бабулька номер один. – Люди вон без рук и ног живут и радуются.

– Очень оптимистично, – пробормотала я. – Что, совсем кошмар?

– Да только шкуру тебе зверюга эта и попортила, – махнула рукой вторая, словно речь и правда шла о какой-то ерунде. – Заживет все, и будешь жить по-прежнему. Тем более друзья у тебя есть, переживают вон, звонят, дежурят.

– Что? Какие еще друзья?

Неужели Олежек одумался, проникся и внезапно превратился в нормального человека и мужика?

– Да откуда мне знать какие? Твои друзья, тебе и разбираться, – пожала плечами одна из собеседниц. – Здоровые такие ребята, рожи, правда, хмурые, прям бандитские какие-то, руки в татуировках, но кто ее, молодежь нынешнюю,

разберет, может, это... круто у вас считается.

– А давно они тут? – спросила, недоумевая все больше.

– Так, как тебя привезли, они и появились часа через два. Все описали: так и так, значит, девушку искусанную не привозили? Привозили, говорим. Они – нам к ней надо. Мы – не положено. Они – будем ждать. Вот и ждут уже сутки, почитай.

– А где ждут?

– В приемном покое, где же еще! Ты, кстати, хорошо, что очнулась. Хоть имя свое скажи, а то привезли как неопознанную.

Это что же, выходит, никто из моих соседей даже не удосужился спуститься, когда меня забирали, и опознать? Хотя, учитывая реалии современности, спасибо за то, что ментов и скорую вызвали. Другие и на это бы не заморочились, и нашли бы мой растерзанный холодный труп поутру дворники.

– Я в туалет хочу. – Действительно, в это интересное место захотелось резко и безотлагательно.

– Утка вот, – громыхнули о тумбочку громоздким предметом, – ложись, помогу тебе. Нельзя тебе еще ходить.

– Ну не-е-е-ет! – наотрез отказалась я и медленно поднялась. – Не настолько я плоха, чтобы вот это вот...

В голове сначала поплыло, но потом все нормализовалось, и, несмотря на легкую слабость в коленях и саднящую боль в груди, в общем и целом я чувствовала себя вполне сносно.

– Ну упрямая! Куда пошла?! – подхватили меня под оба

локтя старушки и помогли аккуратно и без лишних движений натянуть больничный страхолюдный халат, а потом все же проводили до туалета, ругая на каждом шагу за легкомыслие.

Уже когда мыла руки, услышала снова моих сопровождающих, но теперь к ним примешалось грубое звучание низкого мужского голоса, от которого у меня почему-то забегали неприятные мурашки по спине. Прижавшись к двери, я выглянула в щель и увидела реально здорового бритого деда, стоявшего ко мне спиной и чуть склонившегося к миниатюрным старушкам, как будто он их так лучше слышал. Хотя мне его поза показалась скорее какой-то угрожающей, нежели наполненной вниманием.

– Уже очнулась? – пророкотал он. – Когда мы сможем ее домой забрать?

Какой такой «домой»? С каких пор я живу по соседству с кем-то столь пугающим? Что-то я даже среди дальних соседей, не то что ближних, вот такого «шкафину с антресолями» не припоминаю.

– Дык, вы к врачу дежурному подойдите и спросите. Она осмотрит и скажет, можно ли забрать, – охотно объяснила бабулька. – Хотя не советую я. Девушка слабая еще. Да и вообще, может, не захочет. Опять же, после выписки уколы от бешенства...

Санитарка еще вещала, а дедина уже резко развернулся, и я едва сдержалась, чтобы не шарахнуться от двери, когда

мельком увидела его лицо. Я реально мало видела людей более пугающих, чем он.

– Кто ее спрашивать будет, – буркнул он себе под нос и зашагал по коридору.

Я выдохнула, неожиданно осознавая, что, видимо, влипла не пойми как в историю гораздо более паршивую, чем просто нападение полоумной дворняги. В висках застучало, а в спину будто кто-то толкал, когда я быстро пересекла туалет и открыла окно. Мне нужно сбежать – вот что я осознавала абсолютно четко в тот момент, а об остальном я подумаю позже. Ничего не ощущалось более важным, чем исчезнуть отсюда немедленно и никак не пересечься с тем жутким типом и остальными.

– Ну хоть в чем-то мне, выходит, везет, – пробормотала, увидев, что это первый этаж.

Несмотря на это, в здании имелся еще полуподвальный этаж, и окно было над землей метрах в двух, так что после прыжка я упала и лежала в позе эмбриона до тех пор, пока накрывшая от сотрясения волна боли не отхлынула. Потихоньку поднявшись, я поковыляла прочь так быстро, как только удавалось передвигать изморованное бешеной зверюгой и медициной тело. Возможно, стоило бы держаться подальше от освещенных улиц, следуя моей собственной, еще совсем недавно выведенной формуле безопасности, но именно через главный проспект следовал максимально короткий путь к моему дому, который я наспех выстроила в

голове. А петлять и создавать более скрытый, но длинный маршрут у меня сейчас не было ни моральных, ни физических сил. Наплевав на свой удручающий внешний вид, похромала через дорогу, как только зажегся зеленый.

– Эй, подруга! – окликнул меня звонкий женский голос сзади, и я бросила короткий настороженный взгляд через плечо. – Куда это тебя понесло в таком виде? Больница в противоположной стороне!

Я буркнула что-то совсем невежливое в ответ и поковыляла дальше, потя и ощущая все усиливающийся озноб. Все же осень, хоть и ранняя, не самое удачное время для того, чтобы бродить по улицам в тонком больничном халате на голое тело.

– Чокнутая, я серьезно, – продолжила настаивать невидимая в темноте салона женщина. – Давай хоть подвезу куда надо.

– Денег нет! – без выкрутасов поставила я в известность эту самаритянку-добровольцу.

– А то и так не видно, что с тебя не взять ничего, кроме анализов! – фыркнула она в ответ, и я сдалась.

– Маша! – представилась девушка, когда я с облегченным вздохом опустила зад на теплое кожаное сиденье ее автомобиля.

– Рори, – пробормотала я в ответ и назвала адрес... ну, почти точный. Мало ли. Паранойя – наше все.

– Это чего за имя такое?

– Какое мама с папой дали, – вяло огрызнулась, понимая, что, вероятно, стоило быть полубезнее с кем-то желающим бескорыстно помочь. А может, нужно было просто назваться Светой или Ирой, и тогда не было бы дополнительных навешиваемых вопросов.

Ехать до моего дома от больницы было всего-то минут семь, так что мне без труда удалось выдержать, что Маша всю дорогу любопытно косилась на меня, а она смогла сдерживать явно распирающее ее желание начать меня расспрашивать. Едва она затормозила на нужном перекрестке, я, скривившись от боли почти повсюду и ощущения уличного холода, пробиравшего до костей, выбралась из автомобиля и пробормотала скомканно слова благодарности.

– Эй... Рори, да? – окликнула меня девушка, которую я даже не удосужилась толком рассмотреть, – Моя визитка, возьми, а?

– Зачем? – насторожилась я.

– Ну мало ли... Если твой дружок опять сотворит что-то и идти будет некуда... Короче, возьми.

Она решила, что это меня сожитель так уделал? Да, собственно, какая разница? Помогла – и ладно. Буркнув «спасибо», только чтобы быстрее отвязаться, сунула тисненый прямоугольник в карман казенного халата и устремилась в сторону дома. Вломившись чуть позже в незапертую все это время дверь и услышав приветственно-обиженное «мяу» Барса, осела на пол прямо в прихожей и только тогда позволила себе

раскиснуть. Трясущимися руками нащупала в вазе на тумбе пачку сигарет и зажигалку, судорожно затаилась, вытирая безудержно полившиеся слезы и проводя мокрыми от них пальцами по выгибающейся спине требовательно трущегося об меня кота. Ну вот и я дома. Что делать дальше, подумаю прямо после того, как справлюсь с нервным ознобом и слезами.

Глава 5. Начало

Проснулась я, кажется, от холода. Добравшись до постели, укрылась обоими имевшимися в доме теплыми одеялами и вырубилась окончательно, лишившись сил. И вот сейчас очнулась как от толчка в плечо, а может, от стука собственных зубов или дрожи, сотрясавшей все тело. Такое чувство, что кто-то заменил все мои кости на их ледяные копии, и сейчас они вымораживали внутренности и мышцы. При этом пот лился ручьем, и постельное белье вокруг меня было настолько мокрым, словно его из ведра облили. Дико хотелось есть, пить и в туалет – и все это сразу. Но от одной мысли выбраться из свитого из одеял жаркого гнезда меня начинало колотить еще больше. Подумала, что вполне могу еще потерпеть со всеми нуждами какое-то время. Час или два... или до следующей недели. Неужели чертова псина не только изорвала меня, но и заразила какой-то дрянью? Я потрогала ключицу через повязку, но, как ни странно, резкой боли не почувствовала. А ведь если рана инфицирована, то должна жутко болеть, разве нет? В конце концов, напала зубастая тварь на меня как раз около помойки, и страшно представить, где ковырялась до этого своей вонючей мордой и что грызла теми же зубами, что вонзила в меня. Думать о том, что агрессор весьма мало был похож на нормальную собаку и не могло животное вот так швырять меня, как невесомую

плюшевую игрушку, пока отказывалась. Ведь я перепугалась едва не до смерти, с первого же раза сильно ударилась головой, и мало ли что потом причудилось. Мысли текли вяло, заторможенно крутятся вокруг самочувствия, все остальное было где-то на периферии, и до меня не сразу дошло, что раздражающий повторяющийся звук – это дверной звонок. Зеленые цифры на часах утверждали, что сейчас полчетвертого, и кого принесло в такое время – непонятно. В любом случае я уже ненавидела этого кого-то, просто потому что вылезать из постели все же пришлось. Посмотрев в глазок, увидела высокого блондина в черной кожаной куртке, который пялился на дверь так, будто точно знал, что я смотрю на него с другой стороны. Выглядел он не так устрашающе, как громила в больнице, но все равно мне категорически не понравился. И поэтому я просто тихонько стояла под дверью, ожидая, что ему надоест трезвонить и он свалит восвояси. Я его не приглашала, знать не знаю, так что в одно место вежливость. Минут через десять визитер сдался. Еще раз взглянув в глазок, увидела пустую площадку и, облегченно вздохнув, поплелась в сторону ванной. За спиной что-то натужно скрипнуло, раздался звонкий щелчок металла, и, едва я успела развернуться, дверь бесшумно распахнулась, являя мне сразу и больничного громилу, и блондина. Придушенно завизжав, я метнулась прямо по коридору к кухне и захлопнула хлипкую дверь, упершись в нее руками, но тут же по ней шарахнули, распахивая и отбрасывая меня к шкафчи-

кам. Бугай из больницы молниеносно оказался передо мной и, схватив за шею, вздернул в воздух, одновременно лишая и опоры, и возможности дышать.

– Какого черта ты творишь? – недовольно рыкнул на него блондин.

– Сверну ей шею – и делу конец! Еще бегать за этой мелкой гадостью по городу! – голос здоровяка напоминал грохот.

Мои глаза начали закатываться, в них стремительно потемнело, все царапания и брыкания были бесполезны.

– У вас, смотрю, в порядке вещей нарушать законы! – еще более зло сказал блондин, ударил по руке, удерживавшей меня, и я рухнула на пол, когда пальцы бугая разжались.

– Да ты вообще рамсы попутал бить меня! – взревел он и развернулся, отбрасывая мой довольно увесистый обеденный стол. – Я тебя сейчас порву на хрен!

– Можешь попытаться! – огрызнулся второй, становясь в оборонительную позу. – На вашей стае и так косяков хоть отбавляй, давай добавь к ним еще и нападение на напарника во время совместного патруля. Кстати, о попытке умертвить уже начавшую изменяться жертву, не дожидаясь вердикта альфа, я тоже сообщу.

Я лежала на полу у их ног и пыталась вернуть себе способность дышать и видеть, одновременно шалея от услышанного. Что они несут вообще?

– Да какой смысл с ней возиться? – верзила продолжал

рычать, но было заметно, что в разы сбавил обороты и готов отступить, за что я испытала внезапное чувство благодарности к блондину. – Уже сколько лет ни одна стая не берет себе измененных баб. Из мужиков хоть каких-никаких бойцов воспитать есть шанс, а эта – обуза просто!

– Не тебе это решать! Положено притащить на нейтральную территорию, значит, притащим. Дальше не наша забота!

– Кто вы такие, и какого черта вам надо? – наконец смогла сипло выкрикнуть я, отползая к стене.

Оба проследили за моим маневром пристально, как хищники, готовые броситься, но продолжили свой спор, совершенно игнорируя мой вопрос.

– Да ты посмотри на нее! Мелкая, жалкая, как только одичалый умудрился не убить ее с первого же укуса – ума не приложу! Таскаться с ней – только время тратить, вместо того чтобы этого засранца выслеживать! – настаивал здоровяк.

– Ну так и выслеживай, я сам ее отвезу, – невозмутимо ответил второй и глянул на меня чуть внимательней, но от этого резко захотелось прикрыться одеялом. – К тому же смазливая мордашка, блондиночка, фигурка вроде не отстой, может, после изменения, как покрепче станет, кто-то и позарится на нее.

– Да не смей!оборот ей ни роста, ни веса не добавит, а в ней метра полтора! Натянешь как следует – и пополам порвется! – глумливо заржал «шкаф с антресолями». – Прибить на месте – и забыть.

– Эй, придурки, а ничего, что я прямо здесь? – Кое-как удалось все же подняться, и я стала смещаться, в надежде добраться до ящика с ножами.

– Ткнешь в меня чем-нибудь – и я сломаю тебе обе руки! – отрывисто, но как-то беззлобно, будто о погоде говорил, бросил мне блондин, удостоив еще одним кратким взглядом, и снова вернул все свое внимание оппоненту: – Я сказал, что сделаем все, как положено, и точка.

– У тебя нет власти приказывать мне! – рыкнул бугай. – Мы на равных.

– Вот именно. Попробуешь нарушить правила – и я имею право покалечить тебя без всяких последствий!

– Да кишка тонка, щенок видидовский! – и оскалился. Именно оскалился, причем как-то совершенно не по-человечески.

– Испытай меня, боров руготский! – отзеркалил его второй, добавляя в происходящее еще больше сюрреализма. Может, у меня бред? Господи, пусть так и будет, пожалуйста!

Однако бред там или нет, но как же жаль, что эти двое полностью перегораживали своими тушами путь к двери. Судя по тому, как они были заняты, сверля друг друга взглядами, мне удалось бы без проблем ускользнуть. Это противостояние сопровождалось еще и взаимным низким рычанием, от которого, казалось, вибрировали мои внутренности и тихо позвякивала посуда. Что вообще происходит? Чем таким умудрилась наградить меня поганая псина, чтобы подобные

глюки посетили?

– Хочется – возись, – наконец прервал сражение взглядов и характеров громила и пошел прочь с моей кухни, похоже, совершенно теряя интерес ко мне. – А я займусь чем-то действительно стоящим усилий!

– В твоих интересах пойти со мной тихо и добровольно, – повернулся ко мне блондин, не мешкая.

– А если нет?

– Я тебя вырублю и отвезу. В принципе, так даже удобнее. – Он шагнул ближе, и я подняла руки в жесте капитуляции и замотала головой.

Если меня потащат сейчас не пойми куда и зачем и воспрепятствовать этому не могу, то предпочитаю быть в сознании.

– Могу я хоть одеться... не знаю... взять личные вещи? – указала красноречивым жестом на свою пижаму.

– Смысла нет. Даже если бы твоя одежда не превратилась в лохмотья в момент обращения, у тебя все равно, скорее всего, не будет даже времени, чтобы поносить ее позже. Полнолуние завтра, так что осмотр и выбор всех отловленных пройдет уже послезавтра утром, когда вы покажете себя разок. Этого достаточно.

– Понятия не имею, о чем ты, и почему это значит, что я должна выйти из дома почти голышом! – создавая иллюзию покорности, однако, пошла за ним.

Блондин преспокойно повернулся ко мне спиной, будто

нисколько не опасался никаких сюрпризов. Напрасно.

– Я о том, что у тебя, – он окинул через плечо меня пренебрежительным взглядом с ног до головы, – почти нет шансов быть выбранной какой-нибудь стаей. Разве что кто-то поведется на твою внешность куклячую и решит, что ты сойдешь в качестве постельной жевательной игрушки. В противном случае тебя и остальных отбракованных умертвят. Так что одежда и вещи тебе точно ни к чему.

В этот момент мы поравнялись с вешалкой в прихожей, где под вещами у меня хранилась бита. Толком и не помню, что привело к ее покупке давным-давно, но она стояла там, кажется, уже вечность и ни разу не использовалась ни по какому назначению. Но, видно, настал ее звездный час. Стремительно нащупав рукоять, выдернула ее и, размахнувшись, насколько позволяла теснота прихожей, шарахнула по затылку блондинистого верзилы. Удар был тот еще, судя по тому, как сотрясение отдалось во всех моих болячках. Но, вместо того чтобы рухнуть на пол, блондин развернулся, совершенно без труда, плавно уклонился от моей второй попытки его вырубить и выдернул биту из рук, похоже, даже нисколько не напрягшись.

– Вот так и знал, что с тобой будут проблемы! – проворчал он и молниеносно ударил меня в подбородок, гася свет сознания.

Глава 6. Испуг

Как же гудело в голове! Бедные боксеры, которым приходится частенько получать по бороде! Это как же у них-то в бошках должно грохотать! Только некоторое время спустя я поняла, что неясный гул был не в моей черепушке. Это звук множества голосов. Открыв глаза, первым делом осознала, что лежу на спине, надо мной решетка, а много выше нее – сводчатый металлический потолок. Повернувшись на бок, и там увидела решетку. Я в долбаной клетке! Как какое-то животное. Резко села и подождала, пока замельтешившие черные пятна исчезнут. Итак, что же мы имеем? Огромное помещение, похоже, какой-то ангар или склад с окнами под потолком, метрах в четырех от пола. Ряды клеток вдоль обеих стен, таких же, в какой была заперта я, и большая часть из них не пустовала. Около трех десятков парней, довольно крупных и мускулистых, ходили в них из угла в угол, сидели или просто лежали на полу. Многие негромко переговаривались. Одежда у некоторых была в бурых потеках и пятнах, кое-кто сильно зарос, будто не брился достаточно долгое время, но кто-то выглядел вполне себе респектабельно. В дальнем конце этого ангара виднелась большая дверь, даже, скорее, ворота, куда бы легко въехала машина, на одной из стен висели свернутые шланги, и больше, в принципе, смотреть было не на что.

– Эй! Кто-нибудь мне объяснит, где мы и что происходит! – прочистив горло, крикнула я и оказалась в центре внимания где-то десятка парней.

– Не кричи, они этого не любят и накажут, – голос не подходил на мужской, и, присмотревшись, я увидела, что в ближайшей ко мне клетке сидела девушка. Только очень рослая и прямо-таки накачанная. Я по сравнению с ней была долбаной феей пикси.

– Кто эти «они»? – уже тише спросила я.

– Ну, я так понимаю, оборотни, – пожалала она отнюдь не узкими плечами.

– Что, прости? – фыркнула удивленно.

– Что слышала, блонди! – резко разозлилась она. – Думаешь, я умом подвинулась? Ну-ну.

– Эй, я ничего такого не говорила! – примирительно пробормотала я. – Просто услышать такое... сама понимаешь. Кстати, я Аврора. Рори.

– Еще как понимаю. Мне три дня понадобилось, чтобы смириться с реальностью этого факта, – вздохнула девушка, успокаиваясь и сильно мрачняя при этом. – Надя.

– Она правду говорит, – сказал симпатичный темноволосый парень через две клетки от меня. – Я видел их и разговоры слышал. И я – Леха.

– О чем разговоры?

– О том, что на нас напал какой-то одичалый, заразил, и все мы теперь тоже превратимся в зверюг. А это, типа, ни-

кого не радует из других оборотней, и поэтому нас всех отловили и заперли.

– И вы в это верите?

– А ты, типа, нет? И бинты на тебе просто как украшение? – едва парень напомнил о повязке, под ней жутко зачесалось.

Я прикусила язык, наконец признавая, что многое из произошедшего со мной было, мягко скажем, трудно объяснимым.

– И что же с нами будет? – А то ты сама уже не знаешь!

Блондин болтал что-то о каком-то отборе и об умерщвлении остальных. Но ведь это не может быть правдой? Мы же люди, нас искать должны! Нельзя же просто взять и украсть тридцать человек, выбрать нужных (не пойми по какому признаку), а остальных усыпить за ненадобностью, как невостребованных бродячих псов! Хотя о чем это я? В таком огромном городе наверняка пропадают без следа сотни людей, никто никогда их не находит, и при этом чрезвычайное положение не вводят и все вокруг не прочесывают.

– Нам не объясняют. Но, я так понимаю, все чего-то ждут, – отозвалась Надя. – И каждый день привозят новых. Точнее, каждое утро или ночь.

– Полнолуния они ждут! – вмешался в разговор нервно шагающий по своей клетке парень с противоположного ряда. – А там посмотрят. Если превратимся – пристрелят наверняка. А если нет, то, может, и отпустят.

– Или наоборот, – подключился еще кто-то.

– Да хрен отсюда кого-то отпустят, вы, идиоты! – выкрикнул какой-то парень с дальнего конца ангара, и на него зашикали. – Пошли вы! Мы все тут и сдохнем!

– О, опять наша королева драмы активизировалась, – закатил глаза Леха. – Ну сейчас все огребем!

Несмотря на все попытки унять его, тот продолжал орать, да еще стал пинать и трясти прутья, требуя выпустить его немедленно. Через пару минут дверь ангара распахнулась и вошел здоровенный мужик, почти точная копия больничного верзилы, снял со стены шланг, и вскоре по клеткам ударил мощный поток ледяной воды. Он с равнодушной каменной рожей прошелся вдоль обоих рядов, методично поливая каждого. Когда обжигающе-холодная струя ударила в меня, то дыхание пресеклось, потом я завопила, матерясь и падая с ног. Вода лилась до тех пор, пока я не выдохлась и не замолчала, свернувшись в позу эмбриона на полу клетки. Сука, я тебя запомню! Запомню обязательно, и если выберусь живой, то этот шланг найду способ затолкать куда солнце не заглядывает!

– С крещением тебя, Аврора! – отплевываясь и утираясь, прохрипел Леха, когда наш мучитель с невозмутимым видом пошел дальше. – Эй, гестапо! А кормить нас сегодня будут?

– Обойдетесь до завтра, – грубо ответил тот, сворачивая шланг с видом человека, уверенного, что хорошее дело сделал. – А то мой за вами потом блевотину. И так вонища –

дышать рядом нельзя.

Пахло и правда не очень, а все потому, что вместо удобств в одном из углов клетки была просто дыра в полу. Представить, как нужно отправлять естественные потребности вот так, на глазах у всех, было просто неимоверно унижительно, и я решила, что лучше лопну, чем сделаю это. Но отчет себе отдавала, что в какой-то момент нужда окажется сильнее стыда. Хотя, если верить словам блондина, лично мне долго мучиться, вероятно, и не придется. Я ведь, очевидно, не дотягиваю даже до самых низких критериев местного отбора. В этом можно было легко удостовериться, сравнив себя со всеми остальными пленниками. Все крупные, никак не ниже метра восьмидесяти, физически развитые, мускулистые, даже та же Надя. И я – сто пятьдесят сантиметров роста, сорок шесть килограммов и единственная физическая нагрузка, которой подвергалась – это беготня с бумажками по этажам и кабинетам. Да уж, с точки зрения этих верзил и бугаев, которых до сих пор мне случилось увидеть, я, должно быть, какое-то досадное недоразумение. Как тот сказал? «Свернуть шею – и забыть». Какое-то время я сидела молча, поддаваясь осознанию, насколько все погано. Но я не согласна просто смириться с тем фактом, что должна умереть только потому, что не соответствую каким-то чужим гребанным физическим параметрам! Причем даже, кажется, вообще не человеческим! Не согласна!

Глава 7. Превращение

– Если все равно собираются убить, зачем же издеваются сволочи? – гневно спросила, поднимаясь.

Как ни странно, после ледяного душа холодно мне не было. Наоборот, казалось, внутри тела включилась мощная печка и потихоньку раскошегаривалась все сильнее, так что даже прилипшая к телу мокрая одежда ощущалась скорее благом, нежели неудобством.

– Я помирать не тороплюсь, так что потерплю, – буркнул парень с другой стороны. – Но твари они, конечно, каких поискать.

– Ребята, похоже, это начинается! – подавленно сказала Надя. – Мне жарко так, что едва дышать могу.

– И мне, кстати, что-то не особо прохладно, – поддержал Леха.

– Да заткнитесь вы! – выкрикнул кто-то издалека. – Без вас тошно!

И подтвердил свои слова весьма характерными звуками.

Меня саму начало потихоньку мутить. Внутренний обогреватель постепенно набирал обороты, и спустя несколько часов возникло ощущение, что я потихоньку жарюсь изнутри. Пить хотелось прямо невыносимо, кожа зудела, одежда быстро высохла и ощущалась натирающими ее кандалами, под повязкой чесалось адски, и я, наплевав на все, содрала

ее. Все больше людей вокруг тошнило, вонь стала ужасной, и сейчас уже новый визит мужика со шлангом представлялся мне благодеянием, а не наказанием. Еще чуть позже появилось отвратительное чувство, что мои кости становятся слишком большими для тела и будто медленно рвут связки и мышцы изнутри. Я словно горела и расползалась на части одновременно, и это было чертовски кошмарно, и держать в себе уже все не было сил. Тем более что вокруг уже давно слышались стоны, тяжелое дыхание и подвывания. Красные, потные, с потерянными взглядами парни кто просто лежал на полу, перекатываясь с боку на бок, кто, содрав одежду, жался к железным прутьям в поисках хоть капли прохлады, а некоторые уже сотрясались в мелких конвульсиях, колотясь об пол. Только мы с Надей пока держались, но мое сознание уже начинало потихоньку ускользать, и, судя по ее расширенным, смотрящим в никуда глазам, обильной испарине и рваному дыханию с присвистом, девушке было не легче.

Самого появления поливавшего нас прежде детины никто и не заметил, но вот потоку воды, которым он начал окатывать клетки, все были рады. Если, конечно, люди, находившиеся уже почти в невменяемом состоянии, вообще могли радоваться. Кто-то даже кричал и тянул руки сквозь прутья, умоляя дойти до них побыстрее.

– Ну уж потерпите, щенки! – приговаривал мужик, поливая, и, как ни странно, звучал в этот раз для моего расплавленного разума уже не жестоко, а чуть ли не с искренним

сочувствием. – Немного осталось! Чуть охолоните – и легче пойдет.

В первый момент, когда вода попала на мою кожу, у меня было чувство, что она зашипит и испарится. Холодный поток принес такое осязаемое облегчение, что я, уже почти ничего не соображая, стала подставляться под него, постанывая от чего-то весьма похожего на извращенное удовольствие. Благословенное купание закончилось слишком быстро, и я заскулила, когда верзила пошел дальше. Растянулась на мокром полу, стремясь впитать и сохранить побольше прохлады. Мой мозг не отметил, как совершенно стемнело и стоны и жалобы вокруг начали превращаться в крики и странные порывкивания. Просто в какой-то момент внутри стало что-то окончательно ломаться и рваться, и, распахнув в ужасе глаза в темноте, которая не была отчего-то помехой зрению, я увидела в соседней клетке здоровенную псину. Заорав от боли и окончательности понимания происходившей катастрофы, обвела последним осмысленным взглядом ангар. Во всех клетках теперь бесновались и лезли на прутья зверюги, у которых немецкий дог без труда проскочил бы под пузом не зацепившись. Степень потрясения я осознать не успела, потому что восприятие словно мгновенно сместилось, как будто я, обычная, нырнула на глубину и там и замерла, отстраненная, оглушенная, наблюдающая со стороны и издалека. На поверхности же была... тоже я. Но для этой версии меня наличие вокруг множества зверей не ка-

залось ужасным. Наоборот, я с жадностью впитывала их запахи, ловила издаваемые звуки. А еще очень-очень нужно было куда-то бежать. Мышцы прямо-таки сводило от невыносимой жажды движения. Но проклятое железо вокруг не давало свободы, и я начала остервенело бросаться на него, грызть, царапать пол, рыча и возмущенно взывая. Желание вырваться полностью поглотило меня, и я продолжала свои попытки выбраться, по ощущениям, целую вечность. До тех пор пока прямоугольники под потолком, от которых пахло той самой остро желанной волей, не начали светлеть, а тело налилось тяжестью и слабостью. Накатила вялость и апатия, и наконец я сдалась, сворачиваясь на ненавистном полу и почти мгновенно засыпая.

Глава 8. Альфы

– Подъем, недопески! – громкий низкий голос гулко прокатился по ангару, вырывая из глубокого и цепкого сна. – Давайте-ка вас приведем в пристойный вид! Негоже представлять перед своими будущими альфами помятыми и вонючими, словно куски собачьего дерьма!

Я подняла голову и тут же ойкнула, потому что шея и спина затекли просто ужасно. Сегодня совершать омовение явился новый персонаж. Высокий, как, похоже, все здесь, он при этом выглядел тощим, в противоположность предыдущему шкафообразному надзирателю. Хотя при ближайшем рассмотрении скорее уж был жилистым, с острыми, откровенно агрессивными чертами лица, и уж точно не выглядел менее опасным, чем предыдущий. В клетках вокруг зашевелились, так же, как и я, вздыхая, охая и разминая затекшие тела. Вот только теперь все мы были голыми. От одежды остались жалкие лохмотья, ими и прикрыться толком не получалось, и поэтому тот факт, что у всех без исключения парней стояло колом, скрыть было сложно. В принципе, вполне нормальное утреннее состояние здоровых молодых мужчин, вот только и я сама ощущала себя отчего-то дико возбужденной. Запах похоти буквально затопил весь ангар. Стоп. Запах похоти? Как я его могла учуять, и почему безошибочно определила, что это именно он? «Ну, может, по-

тому что ночью ты была чертовой собакой, а у них вроде как с нюхом все нормально», – подкинуло саркастическое замечание подсознание. Недоуменные взгляды вокруг, шумные вдохи и фыркание подсказали мне, что внезапно острое обоняние открылось не только у меня. В этот раз мытье ощущалось снова актом унижения, причем направленным почему-то против нас с Надей. Особенно против меня. Если парней тощий ублюдок мыл довольно быстро и не акцентируясь на определенных частях тела, то нам досталось, что называется, по полной. Он нарочно направлял мощную ледяную струю то на одну грудь, то на другую, в лицо, в низ живота или между ягодиц, когда старались отвернуться. И стоило прикрыть только одно уязвимое место, как вода с силой начинала бить в другое. У моей клетки он надолго задержался, поливая до полного онемения и отпуская гадкие комментарии типа: «Потри себя хорошенько, мелкая сучка. Перед смертью следует быть чистой». При этом он бесстыдно лапал меня глазами, ухмылялся и мерзко облизывал свои тонкие губы.

– Эй, хватит над ней глумиться, скотина! – не выдержав, вмешался Леха, и мой мучитель, опустив шланг, двинулся к нему с таким недобрым выражением лица, что мне стало страшно за парня.

Но снаружи слышался шум двигателей авто, и тощий резко передумал.

– Слушайте сюда, недопески жалкие! Усвойте одну про-

стую истину: вашему появлению абсолютно никто не рад, и право на жизнь надо еще заработать, – громко сказал он, быстро направляясь к дверям. – Вы прошли свой первый оборот, но это еще ни черта не значит. Сейчас сюда войдут альфы и будут выбирать тех, кого посчитают достойными на звание претендентов в число бойцов своих стай. Все, кого не выберут, сдохнут. Мусор следует утилизировать, чтобы он не создавал еще больший бардак. Мы не намерены выпускать на улицу идиотов, понятия не имеющих, кто они теперь, не умеющих контролировать себя, обращение и сопутствующие желания и способных создать нам еще больше проблем.

– Ну так научили бы! – бросила я ему в спину.

– На кой черт возиться с кем-то, признанным слишком слабым, а значит, бесполезным! – презрительно фыркнул тощий. – А ты вообще молчи, тебя, считай, уже нет! Итак, вас выпустят из клеток и будут отбивать. Продержитесь хоть пару минут – будете жить. Попробуете бежать – сдохнете. Будете дерзить альфам – сдохнете. Глаза только в пол. Начнете плакать и скулить...

– Сдохнем – поняли! – раздраженно перебил этого лектора кто-то из парней. – Пожрать нам дадут или нет, лучше скажи.

– Только тем, кто выживет! – сказал тощий и заржал, будто это была самая замечательная шутка из возможных.

– Вот урод, – пробормотала Надя, а дверь в ангар с грохотом распахнулась.

К нам не спеша стали входить один за другим мужчины, осматриваясь вальяжно, по-хозяйски, и я в очередной раз поразилась сюрреалистичности происходящего. Больше всего они напоминали каких-нибудь нынешних состоятельных бизнесменов, таких, у которых буквально на лбу написано о недавнем криминальном прошлом, а под дорогими костюмами наверняка скрывались тюремные татуировки. Эдакие нувориши, с тяжелыми взглядами «творю что хочу, беру что вижу» покрытые лишь легким налетом респектабельности и цивилизованности, за которым отчетливо улавливалась бесчеловечная агрессивная мощь. Их было четверо, и, очевидно, они и были этими упоминаемыми все альфами, и каждого сопровождало несколько охранников. Хотя я сильно сомневаюсь, что они в них действительно нуждались. Скорее уж, их присутствия требовал статус, иерархические заморочки или черт его знает, что у них тут полагается. Каждая группа вошедших расположилась в помещении подчеркнуто обособленно. Стали о чем-то негромко переговариваться, причем диалог вели только альфы, остальные стояли безмолвными истуканами, сверля чужие группы сопровождения недобрыми взглядами. Присмотревшись, я обнаружила притащившего меня сюда блондина и пытавшегося прикончить верзилу. Причем были они явно из разных команд. На нас никто даже не смотрел, так, словно толпа голых людей в клетках – это нечто вроде предметов местного, порядком надоевшего и не заслуживавшего внимания интерьера. За-

кончив свой тихий разговор, четверо альф наконец соизволили заметить пленников и неспешно двинулись по проходу между клетками в сопровождении сегодняшнего тюремщика. Они не просто осматривали парней пристально и оценивающе, но и очень похоже, что принимались; так и казалось, что еще чуть – и начнут щупать и в зубы заглядывать как жеребцам на рынке.

– Сколько? – отрывисто спросил надзирателя один из них – этакий классический голубоглазый блондин с едва заметной сединой на висках и глубокими морщинами на лбу, символизирующими вечное недовольство окружающими.

– Всего двадцать девять с прошлого полнолуния, альфа Видид, – стал деловито отчитываться тот. – Две девки. Шестеро не пережили оборот. Так что на выходе имеем двадцать одну голову.

Головы! Будто мы скот, ей богу! От меня не ускользнуло, что нас с Надей не посчитали, словно автоматом исключили из числа претендентов на что бы то ни было. Я обежала глазами клетки и поняла, что некоторые из них действительно опустели, а я сразу-то и не заметила.

– Что-то многовато в этом месяце! – рыкнул еще один альфа, брюнет околокавказской наружности с очень заметной «ломаной» горбинкой на носу и неприятно поблескивавшими темно-карими глазами.

Многовато, с*ка, ему! Будто кто-то из сидящих в клетках участвовал в конкурсе или обивал их пороги, чтобы сюда по-

пасть.

— А никто из нас сам не напрашивался! — не удержав язык за зубами, вякнула я и тут же пожалела. Все взгляды устремились ко мне, и абсолютно четко прочла в каждом приговоре. Холеные физиономии альф почти одинаково скривились, будто они увидели вместо меня вид какой-то чрезвычайно мерзкой плесени.

— Это еще что такое? — фыркнул, презрительно вздернув верхнюю губу, верзила в серебристо-сером костюме явно от какого-то модного дома и мутно-зелеными глазами чуть на выкате.

— Говорю же — две девки, альфа Ругот. Обе выжили, — сказано было так, словно мы с Надей сделали нечто оскорбительное или непотребное, умудрившись не умереть. Тощий тюремщик буквально убивал меня взглядом. — Глаза в пол, сучка нахальная!

— Пошел ты, ушлепок сраный! — неожиданно даже для самой себя оскалилась я. — Если сам сказал, что мне так и так тут подышать, то хер ли мне вашим правилам следовать!

И в самом деле, не могут же они убить меня дважды. А в их мерзкие рожи хотелось плюнуть, аж челюсти сводило. Если все равно я смертница, то хоть в удовольствии напоследок себе не откажу.

— Я смотрю, девушка с очень дерзким языком торопится на тот свет! — с холодной насмешкой отметил еще один альфа с грязно-песочной богатой шевелюрой и всем своим ви-

дом напоминавший больше громадную бочку с конечностями. Нет, он был не жирный, конечно, просто такой широченный, что я на его груди смело могла бы лечь поперек и ноги бы, наверное, не свисали. – Господа, если никто не претендует, то, может, окажем ей любезность и избавим от мучений?

Гуманист гребаный, мать его! Парни в клетках стали переглядываться и нервно топтаться, а я осознала, что меня прикончат у них на глазах просто для того, чтобы до всех дошло: никто тут не шутит. Скорее всего, это все равно сделали бы с первым же проявившим неповиновение, а я просто облегчила им выбор объекта для демонстрации устрашения. К тому же меня и не жалко нисколько, в бойцы-то не потяну. Тощий будто только и ждал команды «фас!» и чуть не бегом кинулся отпирать мою клетку. Заметив его энтузиазм, альфа-бочка ухмыльнулся и добавил:

– Никакого траха, Лука! Мы не издеваемся над измененными. Или берем их в семью, или безболезненно умерщвляем.

Тощий будто споткнулся от его слов и сразу растерял большую часть своего энтузиазма, на что все четверо властных ублюдков глумливо заржали.

– Да ладно, Лука, я тебя понимаю! – поддержал насмешки холеный блондин, рассматривая меня так, что захотелось скрутиться в углу, прикрывая все, что только можно. – Если бы не был уверен, что Марина учует и яйца мне на кулак наматает, то взял бы ее себе. Мелкие – они обычно ух какие уз-

кие, гибкие и гораздо крепче, чем на первый взгляд кажутся!

Потом он повернулся к Наде и окинул ее взглядом, весьма похожим на одобряющий.

– А я, пожалуй, возьму эту, – кивнул блондин на Надину клетку. – Хорошая сука выйдет после тщательной огранки! При удачном раскладе не хуже любого бойца будет, а не потянет, так самцам пар выпускать будет на чем. Такая быстро не сломается.

– Продуманный ты, Видид! – ухмыльнулся «кавказец». – Мысль, конечно, здравая, но я бы суку все равно обращенную не взял. Терпи потом в стае бабские дразги черт-те сколько!

Пока они продолжали непринужденную беседу, долбаный Лука вошел в мою клетку и попытался схватить за волосы. Но только хрен я собиралась сдаваться просто так. Саданув его по колену пяткой, я вцепилась зубами в его протянутую руку, и он взвыл, отшвыривая меня в другой, ближний к открытой дверце угол. Мгновение его замешательства позволило мне прыгнуть рыбкой во внезапно свободный выход. Даже не знаю, на что я рассчитывала, может, просто не готова была подписаться на роль овцы, смиренно идущей на заклание. Естественно, и пару шагов я не прошла, как мои волосы оказались в захвате «серого костюма», и он дернул меня так, что я рухнула на спину прямо им всем под ноги. Парни вокруг стали кричать, свистеть и колотить по прутьям, требуя отпустить меня. Спасибо, мальчики, я вас совсем не

знаю, но вы хорошие люди. Вот только мне это уже никак не поможет.

– Заткнулись! – рявкнул поймавший меня альфа, и столько в его голосе было сбивавшей с ног мощи, что тишина наступила мгновенно. – Итак, если все же никто не протестует и не готов взять эту обращенную в свою семью, считаю ее судьбу решенной! – провозгласил он, поднимая ногу в дизайнерской туфле над моим лицом, и перед глазами встала картина, как от его удара моя голова раскалывается как переспелый арбуз.

– Хм-м-м, я протестую! – раздался из-за спин мужчин еще один незнакомый голос, и неожиданно абсолютно все повернулись к двери, и в воздухе завибрировал общий низкий угрожающий рык.

Глава 9. Шанс

– Риэр! – рыкнул альфа-бочка, забывая обо мне, и казалось, ему глухим рокотом вторили все присутствующие. – Тебя сюда никто не приглашал!

– Не знал, что мне требуется ваше приглашение, чтобы прийти сюда, когда захочу! – Невидимый еще мною мужчина выделил это «мне» так, будто был каким-то властелином всего сущего, и усомниться в этом – как минимум ошибка, ставящая под сомнение сохранность жизни позволившего себе это неудачника.

Повисла угрожающая тишина, в которой явственно ощущалась общая предельная, с трудом сдерживаемая агрессия и в то же самое время некая неуверенность. Так, словно каждый из стоящих вокруг меня альф дико хотел атаковать вновь прибывшего, но при этом медлил в надежде, что это сделает кто-то другой.

– Раньше ты ни разу не проявлял интереса к отборам, – наконец, не скрывая недовольства, пробормотал альфа Видид и бегло глянул на меня. – Внезапно воспылал желанием обзавестись стаей и решил начать с вот такого недоразумения? Думаешь, по неопытности ни с кем серьезнее не справишься?

– Обзавестись стаей? – с отчетливым пренебрежением ответил этот самый Риэр. – На хрена мне эти хлопоты? Если

я когда-то и захочу этого, то не стану заморачиваться на су-
ету с созданием с нуля. Зачем, если я просто могу прийти и
взять все готовое. Например, у тебя, Видид.

– Да как смеешь... – вскипел блондин и шагнул вперед,
открывая таки мне лишь на мгновение вид на нахала, от-
кровенно его дразнившего, но путь ему тут же преградил
альфа-бочка. Все, что я успела заметить, это всполох насы-
щенного красно-рыжего в его волосах в луче проникавше-
го сквозь открытую настежь дверь солнца и что одет визи-
тер был в серые джинсы и кожаную куртку, в противополож-
ность костюмам остальных.

– Не время и не место! – властно рявкнул отец всех «трех-
створчатых живых шкафов», и теперь Видид оскалился уже
на него.

– Артан прав! – поддержал его «кавказец». – Не перед
недопесками же нам цепляться!

Блондин остановился, явно сдерживаясь с большим тру-
дом, и внезапно его взгляд упал на меня, как будто он нена-
долго забыл о моем существовании, а сейчас снова вспом-
нил.

– Девку хочешь? – ухмыльнулся он, и я стала отползать,
понимая, что ничего хорошего это его внимание не обещает,
но он в пару стремительных шагов настиг меня и пнул под
ребра, от чего мое тело, как пушинка, поднялось в воздух и
пролетело по проходу между клетками прямо под ноги его
оппоненту. – Бери! Что, ни одна настоящая сука уже не дает,

так ты решил на обращенный огрызок позариться?

Рухнув на пол, я даже закричать не могла, потому что удар ублюдка начисто выбил из меня дух и наверняка сломал к черту все кости, что имелись в организме, и только беспомощно хватала ртом отсутствующий воздух, свернувшись в клубок и невидяще пялясь перед собой.

– И кто это говорит? – фыркнул Риэр. – Великий альфа Видид, чьи яйца давно носит в качестве аксессуара его стерва-женушка, дающая ему разве что по праздникам и готовая голову открутить, если у него встанет на другую?

Внезапно меня почти полностью накрыло чем-то теплым, пропитанным отчетливым запахом сильного мужского тела. Только через несколько секунд я осознала, что Риэр снял свою куртку и набросил на меня, а потом просто переступил, подходя ближе к остальным альфам. Жест его был почти небрежным, но благодаря ему я внезапно осознала с необычайной ясностью, насколько же была обнаженной и беззащитной перед целой толпой бессердечных ублюдков, не испытывавших ко мне даже мизерного сочувствия и способных лишить жизни походя, просто потому что несоизмеримо сильнее. Зубы застучали, а слезы полились сами собой, не важно, насколько позорными я их считала в этой ситуации. И как же хорошо, что теперь я могла прикрыть это мое проявление слабости и боли курткой, как ширмой.

На язвительное замечание Риэра Видид снова взревел, трое остальных встали стеной, отгораживая их друг от друга,

пока блондин-качок чуть не сдуслся.

– Интересно, если эти долбанутые психи друг друга убивают, есть шанс, что нас просто отпустят на все четыре стороны? – шепотом спросил парень, у чьей клетки я сейчас оказалась, и я отрицательно качнула головой. Потому что теперь действительно была уверена, что так все и обстояло.

– Риэр, ты пришел только для того, чтобы затеять склоку? – спросил напрямую «кавказец».

– Я пришел поговорить на весьма важную тему, касающуюся вас всех, Нирах, – ответил Риэр ну, если не с уважительностью в тоне, то хотя бы без откровенной язвительности, которая до этого была адресована Видиду.

– Ну, мне уж точно не о чем говорить с этим нелепым фриком! – рыкнул альфа-блондин. – Он мне никакая не ровня, чтобы я его хотя бы захотел послушать!

– А вот тут не поспоришь! – хмыкнул Риэр. – Мне при всем желании до твоего уровня не спуститься.

– В этом месяце моя стая не нуждается в пополнении, – на этот раз проигнорировал укол Видид. – Лука, вытащи мне суку, которую я выбрал, и больше мне оставаться не для чего.

– Ну и правильно, зачем тебе знать, что есть шанс лишиться всего, что имеешь. Лично я не против такого поворота.

– Если тебе действительно есть что сообщить, парень, то говори, – можно сказать, попросил его Нирах, хотя нормальным человеком это скорее воспринялось бы как распоряже-

ние. — Не стоит тратить время на провокации. Если тебе нужна драка — конкретно озвучь вызов, если нет, то хватит неосторожных слов.

— И то верно, — согласился Риэр, а я ощутила достаточное после удара облегчение, чтобы начать рассматривать его со спины.

Волнистые волосы почти до плеч того своеобразного темного, почти черного при обычном освещении цвета, который отливает яркой краснотой на солнце. Естественно, рост под два метра. Плечи, на каждом из которых я могла бы комфортно расположить свой зад и ни капельки не ощутить себя стесненной. Крупные, четко выделяющиеся вены на руках с широкими запястьями. Длинная линия спины с характерной глубокой выемкой вдоль позвоночника, говорящей о впечатляющей мускулатуре, которую не могла скрыть даже серая футболка. Задница... ну что тут скажешь? Под довольно свободными джинсами был весьма роскошный образчик данной части мужского тела, но я сейчас была не в том положении, чтобы на нее заглядываться. Длинные ноги, с небольшой, чисто мужской кривизной и весьма впечатляющими мускулистыми бедрами. При этом общий облик не создавал впечатления излишней массивности, чрезмерной обремененности мышечной массой, как у качков. Тело не для красоты и пустого любования, а, скорее, точный, смертоносный, идеально выверенный и развитый инструмент своего владельца. Стоял сам мужчина вроде расслабленно, но сомнения в том, что

способен в единое мгновение обратиться в сгусток мышц, готовый атаковать или отразить нападение, даже в голову не приходили.

– Итак, давайте-ка посмотрим, что мы тут имеем, – начал Риэр и обвел взглядом все клетки, не глянув, однако, на меня. – Двадцать девять нападений за месяц и ни одного смертного случая – не находите это странным для одичалого? Они нападают, чтобы жрать, а вместо разодранных трупов мы подбираем лишь слегка покусанных. Ну, разве что за одним исключением.

И он, наконец, бросил на меня короткий и безразличный взгляд.

– Времена меняются, ночью город уже так же активен, как и днем, и даже одичалому сложно найти место, чтобы сожрать жертву и не быть вспугнутым, – пророкотал альфа-бочка.

– Если так, то почему, оставаясь раз за разом голодным, он не нападал за одну ночь дважды, кроме как за сутки перед полнолунием?

– Почему нас, на хрен, вообще должно это волновать? – вмешался в разговор мерзкий Видид, который, очевидно, передумал уходить, эффектно хлопнув дверью.

– Хм... потому что альфам, предположительно, стоит не только кайфовать с себя любимых, позволяя мозгам одереветь от всеобщего облизывания их задниц и лживых похвал, но еще и немного думать о всеобщих безопасности и

благе? – снова сорвался на язвительность Риэр.

– Да что может быть известно об этом кому-то вроде тебя?

– Ты об облизывании кем-то моей задницы или о заботе о ближних и подчиненных, потому что в обоих случаях мой опыт очень разнится.

Черт, конечно, все они тут наверняка недалеко ушедшие друг от друга ублюдки, но в иных обстоятельствах этот мужчина, по крайней мере, привлек бы мое пристальное внимание и, вероятнее всего, вызвал бы стойкую симпатию.

– К делу! – строго прервал очередной виток ссоры Нирах.

– Конечно, – кивнул без намека на почтительность Риэр. – Все укушенные в этом месяце – здоровые, физически развитые люди, гипотетически способные перенести обращение и впоследствии стать неплохими бойцами.

Когда остальные промолчали, он повернулся к нашему надзирателю и, окатив его явно неприязненным взглядом, спросил:

– Сколько не смогли пережить обращение в этот раз?

– Шестеро из двадцати девяти, – ответил тот, глядя в пол.

– Из двадцати восьми, – не скрывая раздражения, поправил его Риэр и кивнул на меня: – Ее мы не считаем, она особняком идет. Обычно в момент оборота умирает... сколько? Половина или даже больше из числа случайно укушенных?

– Где-то так, – ответил ему Артан, заметно помрачнев, как и остальные альфы.

– Это наводит меня на мысль, что никто из них, – Риэр

обвел объединяющим жестом все клетки, — не является случайно попавшейся на зуб одичалого жертвой.

— Чушь какая-то! — пренебрежительно фыркнул Видид. — Как будто одичалые в звериной ипостаси способны хоть что-то соображать. Они думают только о том, чтобы жрать и трахаться!

— И я о том же. Полагаю, все эти нападения к одичалым вообще никакого отношения не имеют, — ответом ему снова было молчание, и Риэр, кажется, начал терять терпение: — Ну же, напрягите память и извилины! Двадцать девять укусов, по одному на каждую ночь лунного месяца, и в конце — жертва, призванная своей смертью замкнуть цикл.

Глава 10. Мобилизация

– Сонмище! – пробормотал Нирах, и широченные плечи его содрогнулись.

Со стороны групп поддержки альф, безмолвно, словно и неживые, стоявших до этого, донесся неясный ропот и шокированные вздохи. Лука, подобострастно заглядывавший в лица альфам, аж слегка присел, будто захотел стать меньше ростом и незаметнее. Даже сами альфы на несколько секунд утратили свою «мы короли мира» осанку и нервно переглянулись.

– Быть этого не может! – Видид, очевидно, готов был возражать Риэру чисто из вредности, хотя и в его голосе прежних заносчиво-уверенных ноток как не бывало. – Сонмище никто не осмеливался создавать чертову уйму времени!

– Но это не значит, что никто не сбрендил в достаточной степени прямо сейчас, чтобы не отважиться на такое, – возразил ему сильно помрачневший Артан.

– Вы же не можете на полном серьезе воспринимать бредни этого выскочки? – окрылся блондин.

– Бредни или нет, но факты и в самом деле на его стороне, – поддержал Нирах. – Если Риэр ошибается, я буду рад выпить за это, но если это правда... Сейчас не Средние века, и решишь кто-то на создание Сонмища, это приведет к катастрофе и, скорее всего, гибели нашего вида. Как бы мы ни

были сильны и живучи, людей много больше, и у них в качестве оружия давно не стрелы с копьями. Да и прежнего благоговейного ужаса перед мистическим и непознанным они уже почти не испытывают, только агрессию и жажду уничтожить. Обнародование нашей сущности плюс провокация – и мы гарантированно получим всеобщую травлю и тотальное истребление. Лично я не готов ни воевать с людьми, ни переходить на жалкое существование в полуживотном состоянии где-нибудь в глухих лесах в норах и землянках. И в застенки не собираюсь или в какую-нибудь лабораторию на опыты.

– Не утрируй! – рыкнул Видид, все стремительнее теряя свой самоуверенный вид. – Двадцать восемь укушенных плюс одна недоеденная девка – это еще не Сонмище! Может, мы все же имеем дело с патологически невезучим одичалым, чрезмерно тупым к тому же!

– Все одичалые действительно тупые и живут на инстинктах, – возразил Риэр в своей раздражающей манере, – но именно этих инстинктов должно быть достаточно, чтобы вынудить их сменить зону охоты, если раз за разом она оказывается безрезультатной.

– Я как погляжу, ты прекрасно осведомлен об умственных способностях этих безмозглых тварей. Что, компашка как раз для тебя, сосунок?

– Завидуешь моей молодости, свободе и сопутствующему успеху у сучек всех видов? Не стоит, свой почтенный возраст и наступившее с ним половое бессилие надо воспринимать

стоически.

И снова двум альфам пришлось становиться между этим меряющимися приборами засранцами.

– Хватит! – громыхнул альфа-бочка так, что пленники в клетках аж присели, да и мне очень захотелось заползти в какой-нибудь дальний угол.

– Итак, я считаю, что перво-наперво нам следует прикончить всех обращенных в этом месяце, – сухо стал подводить итог Артан, и у меня начали шевелиться волосы на голове. – Рисковать я не собираюсь.

– Что ж, действие правильное, – согласился Риэр, и я вдруг захотела сбросить с себя пахнущую им куртку. Урод поганый! Явился сюда и своими бредовыми домыслами лишил столько людей хоть какого-то шанса! Все они тут просто твари, нелюди!

Ребята в клетках побледнели, кто-то даже заметался и попытался возмущаться или вопить, но очередной грозный, буквально гнуший к земле окрик одного из альф заставил всех притихнуть. Мне молчать тоже было поперек горла, но снова провоцировать никого не хотелось. От сидения на холодном полу прежней горячности и отваги как-то поубавилось, и я же не мазохистка, чтобы нарываться на побои без всякой надежды, что это хоть как-то побегу поспособствует. Искалечат за длинный язык, и далеко ли я смогу убежать, даже если шанс представится?

– Но все же прикончить укушенных – не первоочередная

задача. Ведь до следующего полнолуния их никто призвать не сможет. Да и не думаю, что он станет делать это так быстро. — Меня прямо затошнило от его безэмоционального тона, будто тут не обсуждались десятки жизней ни в чем не повинных молодых ребят. — Будь я на его месте, оставил бы своих будущих воинов на ваше попечение, а сам двинулся творить новых на другие территории. Пока вы содержите и натаскиваете этих недопесков, есть время создать повсюду еще сотни, прежде чем это вызвало бы хоть у кого-то подозрение.

— Надо же, как у тебя все складно, — опять раскрыл пасть блондин. — А может, это все твоя затея и есть?

— Ага, а сюда я пришел растолковать все на пальцах, просто потому что задолбался ждать, пока вы увидите что-то дальше своих задранных альфовских носов и оцените мой великолепный замысел по достоинству? — огрызнулся Риэр, на этот раз не удостоив оппонента даже взглядом, и просто продолжил развивать тему: — К тому же круг не замкнут. Призыв сработать не сможет, пока этого не произойдет.

Риэр повернулся в мою сторону и посмотрел. Эдакий взгляд, когда смотрят прямо на тебя, но тебя-то как раз и не видят. Просто какой-то гребаный объект обсуждения, не больше.

— Пока жива эта мелкая хрустяшка, выходит, месяц его усилий пропадает даром, а потрудился он, выбирая достойных особей для обращения, немало.

Мелкая хрустяшка? Что это, мать его, должно значить?

Нечто вроде сухаря на один зуб? Ну и козлиная же! Все они тут!

– Верно, – согласился Нирах. – Пока девку он не прикончит положенным образом в животной форме, не видать ему своих бойцов, да еще и дыру немалую, небось, нажил в кайме.

– Ну так давайте ее прикончим и обломаем ему все! – Здоровенный Артан сделал шаг в мою сторону, и я стала отползать, хоть и понимала, что деваться отсюда некуда, но в этот момент Риэр предупредительно наклонил голову. Пару секунд мне потребовалось для того, чтобы понять: этот странный гул в ушах и подрагивание внутренностей – результат действия издаваемого им рычания. Звук был не то что совершенно не человеческий, а вообще трудно сопоставимый хоть с чем-то, что способно издавать живое существо. Больше напоминал гул далекого горного обвала, говорящий о том, что где-то происходит нечто катастрофичное и убийственное.

– О, прости, Риэр! – тут же, подняв руки, отступил Артан. – Ты же уже заявил, что забираешь ее, и никто этого не оспаривает. Конечно, прикончить ее – только твое право!

– Не вижу смысла делать этого сейчас! – отрывисто, словно еще не совсем успокоившись, почти пролаял мой «владелец». – Что, если он начнет все заново? Еще месяц или больше терпеть безобразие и привлекать внимание журналюг и просто всяких психов, замороченных на мистике? Если нападения продолжатся, то так и будет.

– Тебе-то чего переживать? – фыркнул Видид. – Тебе и защищать нечего, кроме своей никчемной шкуры!

– Если загорится задница у одного у нас, то перекинется на всех! И я тут слишком хорошо устроился, чтобы срываться с места и бегать в поисках укрытия! – снизошел до пояснения Риэр, и было такое чувство, что он не слепил очередную колкую гадость только потому, что Видид ему безмерно наскучил. Прямо до ломоты в челюстях от зевоты.

– Риэр прав, если и правда кто-то решил поиграть в призванных солдатиков, то ему нужна эта девка. Уже вовлеченную в круг жертву нельзя сменить на другую, – задумчиво произнес Нирах. – Он будет искать ее. Ты точно не хочешь передать ее кому-то из нас? Все же следить и ждать его появления лучше стайей, нежели в одиночку.

– Я не собираюсь тратить на это уйму времени и нервов и ждать, когда он придет. Заставлю ее саму найти и привести к нему, – кивнул он в мою сторону, и я невольно дернулась, садясь совсем прямо, хоть ребра и дружно взвыли в ответ на такой маневр. Этот мерзавец думает, что я стану искать того монстра, что напал на меня? Да он рехнулся! Черта с два!

– Действительно, она же самка им обращенная, пусть и случайно и нежеланно. Значит, может почувствовать его и даже выманить, – прямо повеселел Артан.

– Ну, до способности выманивать хоть кого-то ее учить и учить! – отмахнулся Риэр. – Я столько возиться с ней не намерен. Сделает свое дело – и до свидания.

Что-то я подозреваю, что это будет не «до свидания», а «прощай навечно».

– Вообще-то, в этой партии она не единственная самка, – едко сообщил Видид. – И вторая как раз уже моя. Так что еще посмотрим, кто быстрее выследит и прикончит потерявшего разум ублюдка: одиночка с тощим недоразумением, больше похожим на таракана на нитке, или я со своей стаей и крепкой и выносливой самкой!

– Да как будто мне не наплевать! – закатил глаза Риэр. – Лишь бы все это дерьмо прекратилось, а уделать я могу тебя в любое время и совсем по другим поводам!

– Посмотрим! – бросил в ответ блондин, но Риэр только небрежно пожал плечами, отворачиваясь. – Сучонок заносчивый!

– Всего лишь имеющий адекватное представление о том, насколько превосхожу тебя во всем! – не оборачиваясь, отбил насмешник, подходя ко мне. – Поднимайся, пупс пигмейский, мы уезжаем.

Глава 11. Мерзавец

Не хотелось из упрямства выдавать, как болит все тело, но как только поднялась на ноги, меня повело, и пришлось привалиться голым плечом к решетке, но не слишком аккуратно, и от этого ребра едва не прикончили меня ослепляющей вспышкой боли.

– Ты в порядке? – прошептал парень из этой клетки, доптронувшись до моей кисти.

– О себе волнуйся, щенуля! – насмешливо хмыкнул Риэр. Он пристально и при этом совершенно безразлично смотрел на то, как я беру под контроль свое тело. Хотя не погоняет, и то хорошо. В этом положении у меня оказалась неплохая возможность и несколько секунд времени, чтобы и самой получше разглядеть лицо моего внезапно образовавшегося владельца. Что тут скажешь: классическим красавчиком мужика точно не назовешь. Высокий лоб, тяжеловатые надбровные дуги, нос с горбинкой, немного ввалившиеся щеки, крупный рот, словно навечно замороженный, с чуть опущенным в насмешливом изгибе левым углом. Но вот глаза... Глубоко посаженные, они были похожи на хищно затаившиеся источники желто-зеленого огня, прицеливавшиеся в тебя из глазниц-бойниц. Прямо ловушки, готовые спалить насмерть мгновенно и беспощадно, или же пронзить до самых костей и оставить медленно подыхать от жесточайше-

го ожога. Короче, жуть какая-то, а не глаза. Причем, зараза, жуть необычайно привлекательная, сродни той, что искушает тебя наклоняться, максимально высунувшись из окна, смотреть и смотреть с огромной высоты, хотя боишься этого просто до икоты. Или такое только у меня?

Кивнув незнакомому парню, судьба которого, как и остальных, так внезапно стала мне безразличной, я оттолкнулась от железных прутьев и, не собираясь спрашивать разрешения, надела так щедро пожертвованную мне моим, сука, хозяином куртку.

Риэр сначала изогнул одну бровь, потом скривился и недовольно фыркнул:

– Теперь ее можно выкинуть. Представляешь, как от тебя несет после этой клетки? – недовольно буркнул он.

– Сам дал, – парировала я.

– Впредь буду умнее. Шевелись давай!

Проходя сквозь строй сопровождающих четырех альф, я не опустила глаза и нагло ухмыльнулась в ответ на их презрительные и похотливые взгляды, пусть внутри все и мелко тряслось от пристального внимания всех этих громил. Но едва мы вышли за порог и яркое солнце на мгновение ослепило меня, Риэр наградил увесистым подзатыльником. Я даже язык прикусила и зашипела, пронзая его ненавидящим взглядом.

– Никогда не смотри прямо в глаза тому, кто сильнее тебя, пупс! А сильнее тебя тут абсолютно все! – никак не впечат-

лившись потоком моей ярости, сказал он. – Или лишишься головы прежде, чем ойкнуть успеешь! И это в лучшем случае.

– А что же в худшем? – рыкнула, сплюнув кровь.

– В худшем тебя сначала долго-долго будут трахать, указывая твое место в иерархии, а потом еще оставят жить! Поверь, это куда как хуже.

– Это ты исходя из личного опыта советуешь? Твое-то место тебе ректально или орально указывали? – Краткий злой взгляд ясно дал мне понять, что заткнуться – самое время. Но, кажется, я утратила эту способность после всего, что пережила в последние часы.

Не получив ответа, огляделась по сторонам. Явно промзона. Причем по виду довольно заброшенная, судя по тому, как асфальт и бетон потрескались и искрошились повсюду, и сквозь них проросли деревца и трава. Конечно, я понятия не имела, где конкретно нахожусь, потому как таких вот заброшенных территорий вокруг города хоть отбавляй. Но если подумать – замечательное место, чтобы скрыться. Если я рвану со всех ног и сначала добегу во-о-он до того строения, нырну в ту щель, куда никто из этих громил за мной не пролезет, то...

– Не стоит фантазировать о побеге – это бесполезно, – прервал построение моего плана Риэр. – Я намного быстрее тебя и поймаю раньше, чем ты и пару шагов сделаешь. И это очень-очень разозлит меня.

– Я и не думала, – соврала, опустив взгляд на свои босые ноги.

– Ага, а я тогда Настя Волочкова! – насмешливо фыркнул он, и я совершенно невольно подняла глаза, пройдясь по нему с головы до ног, и хмыкнула. – Что, скажешь, что представила меня в балетной пачке, пупс?

– Нет, голышом на пляже! – огрызнулась я.

– Эротические фантазии и усиленный свербез между ног – это нормально после обращения. Можешь и дальше пускать на меня слюни, мне не жалко. Телки так делают постоянно, – заявил этот гад и толкнул меня в спину в сторону машины.

Да уж, самомнение тут у кого-то размером с аэробус. И как он только его за собой таскает?

– Здоровый волосатый голый мужик на шпагате с ракушками на причинном месте? – презрительно закатила глаза. – Я тебя умоляю – от такой фантазии как бы навечно фригидной не стать!

Он переместился так стремительно, что я едва не заорала истерически, когда Риэр сжал мое лицо в районе челюсти пальцами одной руки, словно железными клещами. Как бы я ни сопротивлялась, мой рот приоткрылся, а глаза заслезнились от болезненного давления. Ублюдок же, оскалившись в наглой ухмылке, сунул палец другой руки между моих губ и почти ласково погладил язык.

– Давай-ка я прозрачно намекну: чтобы искать не доевше-

го твое тщедушное тельце идиота, тебе вовсе не обязательно сохранять способность к вербальному общению. Слуха и готовности следовать приказам вполне достаточно. – Он снова погладил кончик моего языка, сначала мягко, а потом молниеносно надавил так, что слез стало много больше, и тут же отпустил. – Ты достаточно сообразительна для намеков или предпочитаешь прямые угрозы или даже действия?

Я прищурилась, страстно мысленно желая ему прямо сию секунду упасть и забиться в предсмертных конвульсиях, и даже в ярких красках себе представила его хрипящего и пускающего пенные пузыри, но вынуждена была кивнуть, настолько, насколько позволял его жесткий захват. И тут же Риэр отпустил меня и как ни в чем не бывало пошел к машине. Черному большому внедорожнику.

– Обожаю, когда у меня с женщинами гармония и полное понимание, – насмехался он, косясь на меня через плечо. – Жаль только, длится это всегда недолго. Ногами шевели, пупсик!

Придурок! Скотина! Пес шелудивый!

– Я тебе не пупсик! – тихо, но злобно ответила я.

– Ну, должен же я как-то тебя называть!

– Тогда, может, попробовал бы имя спросить?

– «Пупсик» мне больше нравится. Тебе подходит, – продолжал он глумиться, пока я, морщась, топала за ним по корявому старому асфальту, и выщербленные из него камни то и дело попадались под ступни и ранили их.

– Да неужели? С чего бы это?

– Мелкая, одной рукой поднять можно, глазки заплаканные, в пол-лица, губки бантиком, задница круглая, ножки короткие, – перечислил он и постановил: – Пупс!

– Ножки короткие? – Неужели я сбежать хотела? Хренушки теперь! Пока не замочу эту тварь языкатую, не успокоюсь. Я тебе покажу глазки заплаканные! Еще не знаю как, но это ты у меня кровавыми слезами обрыдаешься! Да, представлять сцены, скорее всего, невозможного, но страшного отмщения было намного лучше, чем бояться или впадать в уныние.

Пикнула сигнализация, и я остановилась, не зная, где мне предстоит ехать. Судя по отношению, скорее всего, в багажнике. Но, как ни странно, Риэр ткнул пальцем на переднюю дверь.

– Ожидаешь, что я тебе дверь открою и задницу внутрь занесу? Напрасно!

– Урод, – едва слышно пробормотала я.

– У меня прекрасный слух, а язык – все еще лишняя деталь в твоём организме! – сказал он, последовав за мной вокруг машины, и скомандовал, едва я, скрипя зубами от боли в ребрах и понимания, что моя голая задница мелькнула перед его наглыми зеньками, забралась на сиденье. – Руки вверх!

Я, недоумевая, послушалась и тут же гневно выкрикнула, когда он молниеносным движением пристегнул мои запястья

к поручню над дверью невесть откуда выуженными наручниками.

– Предпочитаю безопасность на дороге! – прокомментировал он свои действия и обошел автомобиль, усаживаясь на водительское место и трогаясь.

Я подергала наручники, но, ясное дело, закреплены они были надежно, так что освободиться – без вариантов. Страшно захотелось извернуться на сидении и хотя бы лягнуть этого козла хорошенько.

– Могу и ноги приковать, пупс! – словно прочитав мои мысли, предупредил Риэр, и я притихла. – А ты, смотрю, не безнадежна. У тебя есть ко мне вопросы?

На самом деле, наверное, миллион. Вот только хотелось орать и ругаться, а не вести чуть ли не светский диалог.

– Что будет с теми ребятами в ангаре? Их правда могут всех убить?

– А ты себе там кого-то присмотреть успела? Напра-а-асно! – Ну, естественно, этот придурок, видимо, вообще не мог говорить нормально, без издевок. – Ты бы о себе лучше волновалась и интересовалась, как выжить самой.

– Я не глухая. Поняла, что буду жить, только пока ты не выследишь ту тварь, что это все затеяла и втянула нас всех. – Горько, так горько говорить о том, что жить осталось, наверное, совсем мало. Но я еще не мертва, и посмотрим, как дальше пойдет. Карма, само собой, сука, но ведь не факт, что всегда только по отношению ко мне.

– И что, не развлечешь меня истерикой? Даже не взрыднешь немного? – Пришлось зубы сжать до хруста, чтобы не сорваться и в рожу ему не плюнуть на этот раз. – Может, хоть поумоляешь? Предложишь мне себя в качестве пожизненной секс-рабыни? Нет? Не то чтобы я на тебя повелся, но это было бы хоть забавно!

– Куда мы едем? – спросила, дождавшись, когда он закончит глумиться.

– Куда надо – тебе знать не надо! – Да офигеть как повзрослому!

– А можем мы тогда по пути в это загадочное местечко заехать ко мне и покормить кота? – Просить его было тяжело, прямо что-то внутри в себе гнуть приходилось, но одно дело – моя гордость, а другое – жизнь Барса, повинного только в том, что ему хозяйка досталась паталогически невезучая.

– Кота? – Верхняя губа Риэра вздернулась, будто я сказала, что как минимум являюсь хозяйкой целой стаи скунсов. – То есть ты сейчас о коте думаешь?

Я молчала, так как была почти уверена – получу отказ.

– А ради кота ты меня поумоляешь? – Нет, ну и так я поняла, что он урод моральный, но, очевидно, Риэр не собирався останавливаться на уже произведенном впечатлении. Конечно, нет предела говно-совершенству!

– Пожалуйста! – удалось выдавить мне сквозь зубы.

– Адрес говори! – довольно оскалился он. – Видишь, если ты ведешь себя как хорошая девочка, то и я могу проявлять

необычайную душевную щедрость! Делай выводы, что лучше быть послушной и улыбаться, а не огрызаться и грубить.

Ну-ну, выводы я, безусловно, сделаю. Но еще посмотрим, к чему они приведут.

Глава 12. Домой

Сотовый Риэра заорал «Раммштайн», и он почти весь остаток пути до моего дома был занят довольно странной беседой. Будь он каким-то случайно встреченным мною мужчиной, то я решила бы, что он просто тупо рисуется, пытаясь предстать в амплуа опасного «типакрутого» парня, используя всякие фразочки вроде «пасти объект» или «срисуй мне все его движняки». Но вот только у меня уже была возможность убедиться, что опасность, от него исходящая, совсем не пшик, а на меня ему было глубоко плевать, так что ни о какой показухе речь не шла. И то, как свободно он при мне говорил о чем-то, похожем, околориминальном, и то, что не потрудились завязать глаза или хоть как-то лишить возможности понять, где находилось это «место сбора», было словно дополнительным тычком носом в то, насколько мало времени мне было отмеряно. И это опять начинало закручивать в сознании новую воронку злости, а я сама всячески ее подкармливала, потому что без нее имела все шансы сдуться и стать просто ноющей, оплакивающей себя девчонкой. Но плакать пока по мне рано, я еще вполне себе живая. А потом будет некому. Но и об этом я тоже думать не собиралась.

Припарковал свой внедорожник Риэр в наглую – едва ли не под самым крыльцом подъезда, и я точно знала, сколько проклятий за это он получит от моих соседей.

– Знаешь, я бы тачку-то переставила, а то можно и нелепую надпись гвоздем схлопотать, – сказала я, сначала зашипев от жжения в затекших запястьях, которые Риэр наконец освободил.

– Можно. А можно найти смертника по запаху и ручки шаловливые оторвать и в задницу засунуть. Я ведь не ты, пупс. – Зараза, он меня прям выбешивает этим «пупсом».

– Меня зовут Аврора!

– И имя мне – грозный пупсик! – замогильным голосом произнес он, открывая свою дверцу. – Куртку застегни. Нечего сиськами трясти, нам сейчас не до удовлетворения твоих низменных потребностей.

– Для того чтобы найти кого-то для удовлетворения моих, как ты выразился, «низменных потребностей», мне не нужно ходить по улицам голышом, но, очевидно, ты привык к общению с девушками, именно так мужское внимание и привлекающими?

– Не стоит так злиться из-за того, что ты неходишь в число дам, способных заинтересовать меня в сексуальном плане, – фыркнул он, входя в подъезд первым. – А то морщины раньше времени появятся, и станешь похожа на чернослив.

– Я люблю чернослив, – пробормотала я, заметив перед лифтом двух парней, живших на этаж выше меня. Они глянули вскользь, а потом прямо вылупились. Ну еще бы: видок у меня был наверняка как у жертвы автомобильной аварии. Не то чтобы после всего, что случилось, меня волновало, что

они подумают, но стало неудобно, и я поежилась.

Двери лифта с лязгом распахнулись, и Риэр бесцеремонно оттолкнул ребят, пихая при этом в спину меня. На этот толчок мои бедные ребра отозвались яростным протестом.

– Пешком ходить для здоровья полезнее! – нагло заявил им, и те стушевались под его тяжелым взглядом, покорно отступая.

– Поаккуратнее можно? – зашипела я в кабине.

На моей двери обнаружились две бумажные, наклеенные полоски с печатями, из которых следовало, что квартира опечатана полицией. Видимо, кто-то из соседей все-таки вызвал органы в ночь моего похищения, и те, обнаружив дверь со сломанным замком и отсутствием хозяйки, вот так отметились. Когда я оторвала бумагу, дверь просто распахнулась, и я выругалась, поняв, что, очевидно, замки пришли в полную негодность, и даже ручка с щеколдой заклинила, а значит, я, считай, осталась вообще с проходным двором вместо своей квартиры. Стремительно прошла внутрь, вполне ожидая, что меня и обнести успели, потому как кого могут остановить дурацкие полоски бумаги на клею? Приглашением для Риэра я не утрудилась. Видеть его в своем доме я несколько не хотела, но не сомневалась, что он пригласит себя сам.

– Барс! – позвала, обшаривая взглядом вокруг. – Барс, нахаленок мой, где ты?

Но ответом была тишина, и нигде кота не наблюдалось.

Я вихрем, наплевав на боль при каждом движении, промчалась по квартире, заглядывая в каждую щель и укромное местечко, где любил высыпаться Барс, но нигде его не обнаружила. Горло сжалось, и подступили слезы. После всего, что пришлось вытерпеть, именно исчезновение моего кота грозило стать тем, что меня раздавит. Потому что... ну черт! Барс был последним живым существом, которым я по-настоящему дорожила. После папиной смерти и полного провала с попыткой наладить хоть какое-то общение с моими сводными братом и сестрой из его первой семьи никого у меня и не осталось. Олег, с которым мы вроде и прожили бок о бок шесть месяцев из семи, что длился наш, с позволения сказать, роман, и который рассматривался мной одно время в качестве кандидата на что-то в долгой перспективе, так и не сумел стать действительно кем-то дорогим и близким.

– Кончай метаться, пупс! – одернул меня Риэр, озираясь и приняхиваясь. – Свалил от тебя кот. Да и мужика у тебя, похоже, нет. Что, с таким характером ни с кем не уживаешься?

Я развернулась к этой бесчувственной скотине, сжимая кулаки и злобно щурясь, чтобы не позволить пролиться слезам. Он же смотрел в ответ пристально и, я бы сказала, как-то азартно, что ли, кривясь в своей высокомерной ухмылке. Так, словно ожидал моей неизбежной бурной реакции как развлечения. Будто я какая-то мышь в стеклянной банке, в которую он тыкает палкой, желая понаблюдать, как она будет себя вести. И это слегка отрезвило меня. Становиться

источником его извращенного веселья я не собиралась. Риэр приподнял бровь, поняв, что бросаться на него я не намерена, и хмыкнул, словно говоря «ну ладно, не в этот раз».

– Я тут подумал и решил, что не поедem мы пока ко мне, – сообщил он, оглядывая мою квартиру уже по-хозяйски. – Если все равно ближайшие дни нам выслеживать этого массовика-затейника, то смысл за город мотаться? Так что топай в душ, отмойся, а то несет от тебя жутко!

– Не припоминаю, что бы приглашала тебя пожить, – огрызнулась я.

– Правило первое, пупс. Я теперь, ну, скажем так, исполняющий обязанности твоего альфы, как мне это ни поперек горла. А из этого проистекает, что возражать или оспаривать любые мои решения ты не можешь, а также все твое теперь мое!

– Губу закатай!

– Да не парься! Сдалась мне твоя хрущоба насовсем, – фыркнул он. – Да и чего ты так пенишься? Очень скоро она и тебе может оказаться ни к чему.

– А ты, смотрю, прям не дождешься этого момента? – буркнула я, хватая из шкафа вещи и проталкиваясь мимо него, застрывшего в дверях, в сторону ванной.

– Да мне, собственно, совершенно плевать! – Он не посторонился, вынуждая меня протискиваться, и тут же схватил за локоть. – Стоять!

Прошел вперед и, открыв дверь ванной, просто взял и вы-

ломал щеколду с внутренней стороны, а потом зашел внутрь. Быстро и тщательно обшарил все шкафчики, выгребая их содержимое в раковину, и даже заглянул под ванну под моим изумленным взглядом. Собрал все извлеченное в полотенце и ткнул пальцем в зеркало.

– Попробуешь разбить и себя порезать, и я тебе продемонстрирую, что все плохие парни, которых ты сегодня встретила, просто няшки. – Его голос в этот раз звучал жестко, будто вдавливаясь в мозг. Однозначный приказ, которому хотелось безоговорочно подчиниться, и при этом все внутри восставало от этого давления.

– Я что совсем, по-твоему, дура, чтобы жизни себя лишать? – окрысилась я.

– Ты – женщина! – припечатал он так, словно это все объясняло, выходя из ванной.

– На твоём месте я бы больше боялась того, что я в тебя чем-нибудь острым ткну, чем в себя! – Я попыталась закрыть дверь, но Риэр удержал ее.

– Избавиться от моего присутствия это тебе никак не поможет.

– Я бы поспорила. С тем уродом, что пытался меня сожрать, это очень даже сработало! – нахально глянула я на него снизу вверх. – Очевидно, если достаточно настойчиво тыкать в вас ножом, аппетит пропадает.

– Хочешь сказать, что смогла самостоятельно отбиться от оборотня в животной форме? – Вот сейчас Риэр смотрел на

меня, кажется, с настоящим любопытством, лишенным оттенка насмешки.

– Нет, я его вежливо попросила отвалить. А он взял и послушался. Знаешь, хорошее воспитание – такая сила. Тебе стоит попробовать. – Я снова попыталась закрыться, и на этот раз он мне позволил.

С минуту я постояла, рассматривая в зеркале раздора свое отражение. Да уж, видок у меня ужасающий. Расстегнула куртку, вглядываясь в те места, где еще сутки назад были повязки. На месте ран красовались лишь бледно-розовые ро-счерки и точки на коже. Уставилась в глаза своему отражению, узнавая себя и в то же время ища отличия. Ведь они должны быть. Потому что, судя по всему, я больше не прежняя Аврора, а нечто другое. Сейчас, когда наконец я осталась хотя бы в условном уединении, осознание всего начало накрывать меня. Кто я теперь такая, почему все должно было случиться именно со мной, неужели жить мне осталось считанные дни. И куда делся мой Барс?! Внутри защемило, стало бесконечно жаль себя, своей жизни, утраченной человечности, своего дома, который был всегда моей крепостью и укрытием, а теперь был захвачен наглым вторженцем, раз-влекающим себя издевками надо мной. Торопливо я включила воду погорячей, забралась в душевую кабину и только тогда позволила себе раскиснуть. Зажав себе рот и жмуря глаза до рези, я давилась беззвучными рыданиями, переби-рая каждый момент пережитых боли и страха и позволяя се-

бе откровенно паниковать перед грядущим. Конечно, когда я выйду, распухший нос и красные глаза сдадут меня Риэру с потрохами. Но в эти минуты мне было плевать на новые насмешки. Мне нужно было хоть как-то выпустить из себя огромный удушающий ком, иначе он разорвет меня изнутри. Открыв в какой-то момент глаза, я так и замерла, подавившись всхлипом, потому что увидела сквозь запотевшую преграду стекла крупный темный силуэт. Риэр, а это точно был он, неподвижно сидел на корточках у стены ванной и, несомненно, прекрасно слышал, что со мной творилось, как бы я ни душила издаваемые звуки. Истерику мгновенно как рукой сняло, и я вся напряглась в ожидании какой-нибудь колкости, которую он не преминет ляпнуть. Но вместо этого он наклонил голову набок, наверняка еще прислушиваясь, и спустя полминуты встал и совершенно беззвучно выскользнул из ванной. И только когда я облегченно привалилась к стене и успокоила более или менее дыхание, из-за двери раздался его громкий голос с обычными цинично-насмешливыми нотками:

- Если ты закончила отмокать и жалеть себя разнесчастную, то вылезай и приготовь нам что-нибудь пожрать!
- Скотина! – пробормотала я себе под нос.
- Я все слышу!

Глава 13. Витек

Несмотря на приказ Риэра, я покидать ванную не торопилась. Вытираться пришлось осторожно и медленно, невольно шипя, когда задевала самые болезненные места. Под конец уже стало казаться, что я вся болю, с ног до кожи головы. Бактерицидный спрей, слава богу, не вошел в число изъятых Риэром вещей, так что я щедро обработала все ссадины, сжимая зубы и отчаянно матерясь про себя от жжения. Постояла, давая средству впитаться и высохнуть, и только после этого аккуратно стала одеваться. От лифчика все же пришлось отказаться, так как ребра были категорически против. Зато вот простые хлопковые трусики и футболка почувствовались как чертово благословение. Наконец-то я не голая, причем в собственной одежде, остро пахнущей моим любимым ванильно-кокосовым кондиционером. Этого оказалось достаточно, чтобы ощутить себя капельку счастливее, пусть и ненадолго. Едва я открыла дверь из ванной, тут же замерла, учуяв посторонний запах. Кроме этого со стороны прихожей доносилось какое-то бормотание, отдаленно напоминающее корявую попытку что-то напевать, и тихие, скрежещущие звуки металла об металл. Кто-то решил вскрыть мою и без того безнадежно сломанную дверь? Ерунда какая. Ее же только пальцем ткни – и заходи кто хочешь. Я снова принялась, уже и не пытаясь анализировать, почему де-

лаю нечто столь не свойственное мне совсем недавно. Кто бы ни ковырял мой замок, пах он... ну не как человек, по всей видимости. А еще он был мужчиной. И даже не желаю думать, с чего я вдруг это знаю. Подкравшись к углу коридора, выглянула в прихожую. Совершенно незнакомый парень с огненно-рыжей растрепанной богатой шевелюрой сидел на корточках перед приоткрытой входной дверью и сосредоточенно тыкал отверткой в мой искалеченный замок. Одет он был вполне себе обычно: явно не новая черная футболка с потертыми физиономиями каких-то рокеров, бывшие, очевидно, когда-то также черными джинсы и ботинки. Тоже черные. Песня, которую он бубнел себе под нос, видно, достигла в его сознании какого-то кульминационного момента, и парень дернул головой, как в конвульсивном припадке, замахал отверткой в воздухе, будто барабанил, и придушенно взвыл что-то, похоже, особенно прочувствованное. Если бы я не считала, в свете последних событий, что присутствие в моей квартире незнакомца смертельно опасно, и понятия не имела о его не совсем человеческой сущности, то, возможно, сочла бы ужимки этого рыжего забавными. Сейчас же я совершенно произвольно задалась вопросом: как мне от него избавиться. И где, собственно, долбаный Риэр, чьего присутствия в квартире я как раз не чуяла. Но особо времени на раздумья у меня не было, потому что парень вздрогнул и стремительно повернулся в мою сторону, причем как-то сразу всем телом. Вот только что расслабленно дергал-

ся и подвывал, а спустя секунду, все так же сидя на корточках, пялится прямо на меня, выглядя уже как замершее перед прыжком хищное животное. Решив, что и дальше выглядывать из-за угла теперь как-то глупо, я шагнула в коридор, рассматривая рыжего совсем открыто. Странное у него было лицо. Узкое, с очень, почти чрезмерно высокими скулами, тонкими, напряженными сейчас губами и, я бы даже сказала, изящным подбородком, что, однако, несколько не делало его женственным, наоборот, создавало и подчеркивало впечатление сдерживаемой стремительной агрессии. Глаз его практически не было видно, так как из-за резкого разворота его растрепанные рыжие лохмы упали на лоб и скрыли их, но пугающая острота взгляда, стремительно исследовавшего меня, была более чем отчетливой. Меня будто физически ощупали от макушки до ступней в пушистых ярких носках, на них и задержавшись. И тут же парень расслабился, переставая походить на готовое к броску животное, смахнул непослушные пряди и вдруг улыбнулся. Нормально так, по-людски улыбнулся, а не высокомерно оскалился или ухмыльнулся, и я на мгновение зависла, потому что подумала внезапно, что видела обычную человеческую улыбку словно в другой жизни. В этой, нежеланно новой, были одни мерзкие усмешки, издевки и смех, от которого мурашки по коже.

– Ты кто такой? – спросила в лоб. Интересоваться, что он делал, вряд ли нужно, тут и так понятно.

– Какая же ты маленькая! – вместо ответа восхищенно

произнес рыжий. То есть действительно с восхищением, а не с насмешкой или уничижением, как все остальные, людьми не пахнущие. – Я бы мог, наверное, тебя в карман положить и унести!

Последнее он сказал, поднимаясь на ноги и, естественно, оказываясь намного выше меня.

– Я тебе унесу! – рыкнул Риэр откуда-то с лестничной клетки и появился в дверях за спиной рыжего, предоставляя мне возможность оценить, что он и выше, и шире незнакомца. – Мой пупс – мои карманы!

Я проигнорировала раздражающее прозвище и совсем нелюбезно ткнула в рыжего:

– Это кто?

– Я – Витек! – шагнул вперед рыжий, протягивая руку. Ну, то есть попытался шагнуть, потому что Риэр бесцеремонно схватил его за ворот футболки и рванул назад, практически вышвыривая из квартиры.

– Он никто и уже сваливает! – грубо тряхнул парня мой рабовладелец. – Давай барахло свое собирай и топай, Витрис.

– Что, и чаю не нальете? – Похоже, рыжий несколько не обиделся на этого хама и продолжил пялиться на меня и улыбаться.

– Нету у нее чая, только какая-то травяная бурда! – отрезал Риэр и вызверился уже на меня: – На кухню иди, чего тут встала на сквозняке.

– А я не гордый, я и бурду выпью! – не унимался Витек. – Я даже за тортиком могу в магазин метнуться и за винцом, чтобы за знакомство накатить.

– Витрис! – рявкнул Риэр тоном «ты меня достал», и тот наконец скис и перестал лыбиться.

Преувеличенно горестно вздохнув, он собрал лежащие на полу инструменты в кожаный рюкзак и все же попятился за дверь.

– Зато я знаю теперь, где ты живешь! – подмигнул он мне, чем, видимо, исчерпал лимит терпения Риэра.

– А теперь взял и резко забыл об этом! – приказал тот.

Он пихнул рыжего в грудь и явно собрался захлопнуть дверь.

– Меня зовут Аврора, и спасибо за ремонт! – успела только торопливо выкрикнуть я. Скорее, не из желания поблагодарить, а потому что это бесило захватчика моих личных квадратных метров. Не все же ему меня доставать.

– Я разрешал тебе чесать языком с кем попало? – развернулся он и стал угрожающе надвигаться, как только мы остались одни.

Бежать мне было некуда, хотя и захотелось этого внезапно очень сильно, поэтому я осталась на месте, упрямо глядя в недоброе лицо Риэра.

– А нечего приводить тогда в мой дом кого попало! – парировала я. – И что-то не припоминаю я запрета с кем-либо разговаривать!

Риэр, прищурившись, смотрел мне в глаза с полминуты, отчего предательские холодные мурашки стали выплывать у меня на загривке, а потом прошелся взглядом вниз по телу, задержавшись, как и Витек, на моих пушистых носках в зеленую и ядовито-розовую полоску, и поднял бровь. Дались им эти носки!

– Если я не сказал, что можно, значит, по умолчанию нельзя! – буркнул он и прошел мимо в сторону кухни. – Шевелись, я есть хочу! Да и поговорить нам пора.

Только теперь я заметила у него в руках пакет с логотипом мясной лавки, что за углом моего дома.

– Жратвы нормальной я у тебя не нашел! Еще бы не странно, что ты больше похожа на воробья, чем на женщину обычного размера! – сообщил он, плюхая пакет на стол. – Такое чувство, что в этом доме вдоволь жрал только этот жирный мохнатый мешок с кошачьим дерьмом!

Сначала я пупс, теперь воробей, что следующее? Морская свинка?

– Сколько ни ешь, с генетикой не поспоришь! – огрызнулась я. – И я нормального размера, это просто кое-кто другой тут мутант-переросток. А мяса я не ем совсем.

– Теперь ешь, пупс. Кстати, этот твой потерянный вонючка, из-за которого ты тут все соплями и слезами залила, вполне себе неплохо прибомжился в девятнадцатой квартире, двумя этажами ниже, у какой-то бабульки. Стоять!

Едва услышав про Барса, я рванула к двери, но Риэр,

мгновенно переместившись, перекрыл мне дорогу.

– Там он пока и останется! – ткнул он мне в центр груди пальцем. – Пока здесь я, его не будет! Да и вообще я бы на твоём месте его там насовсем и оставил. Вряд ли вы теперь уживётесь.

– И как долго ты собираешься торчать в моей квартире и всем распоряжаться? – насупилась я, пропуская пока мимо сознания и то, что действительно, может, стала для собственного кота совершенно чуждым созданием и то, что, наверное, забирать его и правда не стоит, если мне осталось...

– Все будет зависеть от интенсивности твоего желания помочь выследить обратившего тебя, – пояснил он то, что мне и так уже было известно. – Сковородку ставь!

– С чего бы мне хотеть этого, если ты сказал, что после его поимки мне конец? – Я вынула из шкафчика требуемый предмет и сунула Риэру. Ему надо – пусть и ставит. Себе я достала из холодильника морковку и сунула ее под струю горячей воды, отмывая. Риэр проследил за мной с «ну-ну, давай» выражением лица, но сковороду на огонь поставил сам.

– Я никогда не говорил, что тебе конец! – бросил он через плечо. – Я сказал, что после этого больше возиться с тобой не намерен. Поймаем придурка – и флаг тебе в руки, барабан на шею, пупс. Делай что хочешь, живи как знаешь... если, само собой, в процессе тебя не прикончат.

– Да ты, как я погляжу, гуманист и оптимист! – хмыкнула,

откусывая морковь.

– Еще какой! – нисколечки не обиделся и не смутился Риэр и кинул на раскаленную поверхность два здоровенных темно-красных куска мяса, от вида которых морковь застряла у меня в горле, но во рту вдруг резко стало больше слюны. – Если тебя все же не сожрут и ты станешь себя вести как послушная девочка, а не как язва стервозная, и сильно-сильно меня попросишь о помощи, то я, так и быть, поднатаскаю тебя в том, по каким правилам теперь следует жить, если планируешь делать это хоть сколько-то продолжительное время.

Глава 14. Компромисс

Я помолчала, позволяя последним словам Риэра осесть в сознании. Выходит, я не приговорена окончательно, но и радоваться забрезжившей надежде еще рано, потому что право выжить придется добывать своими силами, да и после, похоже, не светило просто вернуться к прежде привычному укладу. Я не была великой поклонницей внезапных изменений, а уж тем более радикальных, но, когда нет особого выбора, кто угодно приспособится. Я уж точно была намерена это сделать, и, естественно, воспользуюсь его предложением о помощи как разобраться, несмотря на все раздражение, которое вызывал у меня и сам грубиян Риэр, и остальные ему подобные, с кем мне случилось столкнуться. Оборотни. Они оборотни, Рори, и пора привыкать называть их так и окончательно признать их реальное присутствие в знакомой мне картине мира, как и то, что я теперь одна из них. Ну, как-то так. Хотя очевидно, что появлению таких, как я, никто слишком не рад. Похоже, обращенные – это нечто типа никем не желанных детей, и вся «забота» о нас для оборотней через «не хочу». Неприятная процедура вроде ассенизации, никем не любимая, совсем не почетная, но необходимая. Да уж, ну и ассоциации у меня.

– Тарелки! – скомандовал Риэр в своей неповторимой «вежливой» манере, и на этот раз я не стала просто тыкать

на шкаф с посудой из чистой вредности, а сама достала и поставила их на стол.

Подхватив сковороду за ручку, мой... хм... альфа повернулся и вполне себе изящно положил кусок на свою тарелку. Подцепив второй, он замешкался, и это выглядело достаточно странно. Риэр застыл, несколько раз проследовав глазами от второго куска ко мне, снова оглядывая до противного оценивающе и хмурясь, и обратно. Такое чувство, что его, что называется, «жаба давила». Вот реально, именно на это и было похоже.

– Я не ем мясо, помнишь? – фыркнула я, намереваясь отвернуться. Надо себе пометить, что щедрость душевная явно не отличительная его черта. Хотя, наверное, это всем им свойственно, учитывая то, как стремились нас накормить там в клетках.

– Теперь ешь! – Риэр чуть дернул головой, словно раздражаясь на себя, и плюхнул на мою тарелку кусок совсем уже не с тем изяществом, как на свою. – Сядь и приступай! Не в моих интересах, чтобы тебя ветром шатало, когда нужно будет твердо стоять на ногах.

– После того, как тебя тут от жадности только что ломало, мне кусок в горло не полез бы, даже будь я заядлым мясоедом! – пробурчала, глядя на мясо, из проколов на котором сочился сок, вызвавший у меня почти неконтролируемое желание макнуть в него палец и облизать.

– Да будет тебе известно, нашему виду не свойственно

делиться пищей, это против наших инстинктов! – Риэр по-прежнему выглядел раздраженным, будто и правда этот кусок от сердца оторвал.

– Что, вообще ни с кем?

– Только с семьей! Вилку и нож подай!

А, ну ясно тогда, чего он так злится. Я же вот ни разу не семья и даже не часть его так называемой стаи. Временное недоразумение. И почему это настолько меня задевает? Дистанция между мной и людьми в принципе – давно нормально. Дистанция между мной и кем-то вроде Риэра и ему подобным... оборотням – это даже превосходно. Но все равно... бесит.

– Уверен, что они тебе нужны? – ляпнула, не сдержавшись, подавая приборы.

– А ты надеялась на возбуждающее зрелище, как я рву мясо зубами прям как настоящий зверь? – фыркнул он, а я в ответ только закатила глаза.

– В тебе вообще нет ничего способного меня возбудить! У меня острая аллергическая реакция на хамов.

– Весьма странно, учитывая, что сама ты не безобидная птичка-колибри, а злобная муха-жигалка!

Да что же не так с этим Риэром и всевозможной фауной, с которой он меня сравнивает?

– Муха-жигалка? – прищурилась я и стиснула вилку в руке, но снова заметила это выражение любопытства и предвкушения на лице Риэра. Будто он с нетерпением ожидал,

что я на него брошусь, стремясь как минимум воткнуть свое орудие ему в глаз. А хрен ему, а не веселье! Как будто я не понимаю, что у меня ни одного шанса даже оцарапать засранца. – Думаю, это мне нравится больше, чем «пупс».

– Да неужели? – Риэр явно был разочарован, а какой-то бес, с недавних пор обосновавшийся во мне, дернул добавить ему не самых приятных эмоций.

– Ага, привыкать начала, знаешь ли, – сооротив совершенно беспечную физиономию, я безжалостно вонзила вилку в кусок, направляя вызываемый этим придурком гнев на ни в чем не повинное мясо, и небрежно спросила: – А что между тобой и этим Видидом? Такое чувство, что кто-то из вас трахнул девушку другого когда-то, и с тех пор вы никак не можете выяснить, кто круче и у кого длин...

Договорить я не успела, потому что была буквально оглушена ревом Риэра.

– Заткнись! – заорал он так, что меня чуть со стула не снесло. – Закрой свой чертов рот и жри это гребаное мясо, пока я в самом деле не отрезал твой язык!

Я зависла, с трудом сглатывая и уставившись в его перекошенное от ярости лицо, потому что одного взгляда в полыхающие напротив, желто-зеленые, какие-то абсолютно нечеловеческие сейчас глаза хватило, чтобы понять: он реально может воплотить свою угрозу в жизнь. И сколько бы я ни пыталась сопротивляться, мой собственный взгляд будто против воли опускался вниз. Словно непреодолимая сила гнула

мою шею, а тело скрючивало от потребности стать как можно меньше и незаметнее для исходящей в это мгновение от него злости.

— Ты долбаный псих! — на чистом упрямстве прошептала я, и, почти не отдавая отчет своим действиям, отрезала кусочек и положила его в рот. Ни соли, ни специй, но черт... это внезапно ощущалось правильным и вкусным, что весьма отвлекало от страха, внушаемого мужчиной напротив. Да уж, про заедание стресса я слышала, а вот про заедание страха — нет. Хотя страх перед чем бы то ни было и есть источник стресса. Так что...

Дальше мы ели в полном молчании, причем ничто, кроме постепенно затихающего сопения Риэра, методично и чрезвычайно аккуратно нарезавшего и тщательно пережевывавшего мясо, не напоминало о недавней вспышке. Я же уже спустя минуту окрестила себя безмозглой провокаторшей и дала зарок никогда не заводить разговоров о клятом Видиде. И с первого взгляда было понятно, что между Риэром и им нет особой любви, но судя по тому, как последний среагировал в этот раз, дело обстояло совсем-совсем хреново. Ладно, нужно мне сдерживать это совершенно незрелое желание ответить тем же сполна на раздражение, вызываемое во мне Риэром. Я, по-любому, ему не ровня физически, плюс вынуждена сотрудничать с ним ради выживания, а совсем не конфликтовать. А то следующая вонзенная наугад шпилька вполне может обернуться членовредительством для меня же.

Мне это надо? Правильно, нисколечки.

– И как, собственно, мы собираемся искать этого... иску-
савшего меня? – заговорила я первой, стараясь так проде-
монстрировать готовность идти на мировую. Ведь, если по-
думать, психологически комфортнее самой проявить иници-
ативу, а значит, оставить за собой некое иллюзорное подо-
бие свободной воли, нежели ждать, когда Риэр опять начнет
раздавать приказы. Альфа в очередной раз прищурился, но
уже не гневно, а скорее насмешливо, и хмыкнул, ясно давая
понять, что видит этот мой маневр насквозь, и я уже ожи-
дала, что он обязательно рыкнет нечто вроде «говорить бу-
дешь, когда я разрешу» или «что я скажу, то и будешь де-
лать», в общем, не важно, что, но подчеркнет, что никаких
«мы», совместно действующих, не может случиться, а только
я, как дрессированная болонка исполняющая его команды.

– Для начала мы просто выйдем в город вечером и про-
гуляемся, – вместо этого ответил он, заработав мой ошара-
шенный взгляд.

– Куда прогуляемся?

– Выбор направления и места за тобой, пупс! – сыто от-
кинувшись на стуле, он сложил руки на груди, выглядя со-
вершенно расслабленным, словно не орал на меня, как чок-
нутый, только что. – Сходим в те места, где ты обычно зави-
саешь с друзьями.

– У меня... – «Нет друзей» прозвучало бы слишком жалко
и дало бы ему новый повод укусьить. – Нет таких мест. Я не

шляюсь по клубам и барам вечерами в поисках приключений на свою задницу.

– Ну, значит, прямо сегодня вечером мы откроем для тебя новый и увлекательный мир ночной городской жизни и превратим из скучной зажатой домоседки в тусовщицу, – оскалился Риэр довольней некуда.

– Да мне как-то и так превращений уже выше крыши, – нахмурилась в ответ.

– Да не парься, нормальной раскрепощенной женщиной тебе придется побыть недолго и понарошку, а потом опять можешь вернуться к своему кошаку и сидению в четырех стенах в ожидании, когда припрется за тобой прекрасный принц, няшный и ни разу не хамоватый. Если тебя не прикончат.

– Вот тебе обязательно повторять последнее? Перспектива умереть в процессе – не лучший мотиватор для старания.

– А вот тут ты ошибаешься. Нет лучшей мотивации, чем желание выжить. – Риэр пихнул ко мне пустую тарелку и поднялся.

Ладно, вступать в спор с ним, пытаюсь доказать, что постоянно тыкать человека в угрозу, нависшую над ним, совсем не значит стимулировать к большему старанию.

– И во сколько мы начнем... мероприятия эти? – просто уточнила я.

– Часов после десяти. А пока топай в кровать.

Я дернулась, мгновенно напрягаясь, и теперь уже Риэр за-

катил глаза, показательно фыркнув.

– И не надейся, пупс! Ты идешь спать! – нахально рассмеялся он. – Чтобы привлечь меня, тебе нужно как минимум стать сантиметров на пятнадцать выше и пообъемнее в некоторых местах. Да, собственно, во всех!

– Тогда замечательно, что подобное невозможно, ибо ты последняя мужская особь на свете, которую я бы захотела привлечь! – огрызнулась я и тут же мысленно отвесила себе пинка, заметив очередной недобрый прищур Риэра. Не воевать с ним, Рори, не воевать! Игнорировать эту язву и не отвечать тем же, потому как ничто не задевает мужиков вроде этой самодовольной заразы сильнее, чем полное отсутствие у кого-то восхищения их неоспоримой привлекательностью.

– Так уж и последняя? – ухмыльнулся он, но в этот раз я держала рот закрытым, а глаза прикованными к посуде, которую взялась мыть.

В спальне я не стала, само собой, подпирать дверь стулом. Не остановит это такого, как Риэр, если захочет войти. Разве что я лишусь нужного предмета мебели. Заснуть, когда он смотрел телевизор и почти без остановки бубнил по телефону в соседней комнате, мне представлялось проблематичным. Но, как ни странно, я отключилась почти сразу, как вытянулась на собственной постели, и мое тело и все органы чувств опознали в ней свое, привычное, родное.

Глава 15. Кобель

Звуки, разбудившие меня, сложно было истолковать двояко. Женское хихиканье и сладострастное постанывание и грубое мужское ворчание, прерываемое громким возбужденным сопением. Кто-то, не трудно догадаться кто, явно собирался заняться сексом в моей гостиной, если уже не делал это. Какого хрена! Мгновенно взбесившись, я ломанулась туда, по дороге отстраненно отмечая, что дверь я закрывала, а сейчас она была довольно широко открыта. Риэр с хозяйским видом сидел, развалившись и закинув руки за голову, на моем, МОЕМ диване, а на его коленях ерзала какая-то девица, похоже, усиленно сражаясь с его же шириной за доступ к члену. Естественно, даже в таком положении было очевидно, что она намного выше меня и не то что щедро, а по мне, так чрезмерно одарена и сзади, и спереди. Лица не видно, но на голове нечто многоцветное, причем пряди, окрашенные в розовый и зеленый, внезапно заставили вспомнить о моих пушистых носках.

– Пошевеливайся, детка, если хочешь получить хоть что-то, – проворчал он, совершенно не собираясь ей помогать. – Станешь возиться слишком долго – и я передумаю.

Нет, ну не охреневшая ли он задница, если заявляет подобное женщине, не говоря уже о том, что происходит все это дерьмо в моей, между прочим, квартире! Ляпни он мне

такое – и я бы ему в нос врезала, невзирая на возможные последствия!

– Я и так уже ноготь чуть сломала, сладенький! – вместо возмущения засюсюкала дамочка. – Я так соскучилась по тебе, что у меня руки трясутся, звереныш мой. Сейчас, сейчас я отправлю тебя прямиком в нирвану, мой большой мальчик.

Меня аж передернуло от ее заискивающего пищания и чрезмерно томных придыханий. И при этом я невольно принюхалась, получая информацию о том, что под тяжелым шлейфом духов и всевозможной косметики скрывается запах обычной, хоть и очень возбужденной женщины. Человека, не оборотня. И, кстати, сказать просто «возбужденной» было явным преуменьшением. Похотью от нее фонило так, что мне нос зажать захотелось. Фу-у-у-у!

– Черта с два ты станешь делать это на моем диване и вообще в моей квартире! – фыркнула я, приваливаясь плечом к дверному косяку и решительно складывая руки на груди, и добавила, передразнив девицу: – Сладенький!

– Ой! – незваная мною гостя растерялась лишь на секунду, развернулась ко мне, давая увидеть очень даже привлекательное личико, быстро окинула оценивающим взглядом, слегка ухмыльнулась и тут же вернула внимание Риэру: – Будем втроем?

Я снова фыркнула и закатила глаза. Офигеть! Теряться в любой ситуации она явно не привыкла.

– Нет-нет-нет, я точно не часть вашего миленького урав-

нения! А моя квартира не место для ваших игрish. Хотите перепихнуться – валите хоть в подъезд, хоть на улицу, хоть в его машину. Мне плевать куда, главное, что не здесь.

Риэр пристально посмотрел на меня через ее плечо и довольным совсем не выглядел. Я почти уже ожидала от него очередного хамства и приказа свалить и дать им закончить. Но вместо этого он кратко усмехнулся, будто даже был рад тому, как все повернулось.

– А я предупреждал тебя, чтобы ты поторопилась, Мила! – нисколько не смутившись, он просто спихнул девушку с колен на диван, поднялся и расслабленно потянулся. – Развлечения кончились, давай теперь займись тем, для чего позвал. Топай на кухню!

Выходит, несостоявшаяся сессия на диване не была основной причиной для визита этой девы-радуги. Что-то эта мысль меня мгновенно напрягла. Посетительница же и не подумала возразить Риэру и, глянув на меня немного обиженно, тяжело вздохнула и потопала куда послали.

– Если она здесь не для того, чтобы тебя ублажить, то для чего? – настороженно прищурилась я.

– Привести в божеский вид тебя, пупс. Ты же не думаешь, что можно вывести тебя в город с обломанными ногтями и волосами, похожими на мочалку? К тому же я не нашел среди твоих вещей абсолютно ничего подходящего.

– Ты рылся в моих вещах! – взвилась я моментально, и пальцы скрючились сами собой, желая вцепиться в рожу это-

го беспардонного нахала.

– Естественно, – небрежно отмахнулся от моего явного раздражения Риэр. – Я не привык хоть что-то пускать на самотек, пупс. Что вдвойне замечательно, потому что все твои шмотки – отстой. В таком женщины не выходят по вечерам в люди.

– Это еще почему же?

Я вполне была довольна своим гардеробом. Да, вещей у меня было немного, и все они делились на рабочие платья и костюмы и нечто более удобное, скорее спортивное, в чем можно выйти погулять в парк или в магазин. Плюс еще несколько настоящих вечерних платьев, которыми я, между прочим, очень даже гордилась, хотя поводов надевать их и случалось два-три в год.

– Потому что тебе предстоит изобразить одинокую девушку, вышедшую на поиски веселья! – пояснил альфа.

– То есть шлюшку, остро нуждающуюся в члене? – ядовито уточнила я.

– Как-то так, – пожал плечами Риэр. – Если ты оденешься в то скучное дерьмо, которым набит твой шкаф, будешь совершенно неправдоподобна. Кто идет снимать мужика в офисной одежде? И, кстати, пупс, ты все же та еще ханжа! Если женщина знает, что хочет секса, и проявляет инициативу, чтобы найти его, а не сидит дома на диване в ожидании, когда кусок члена свалится ей в руки по волшебству, это не делает из нее шлюху.

Ну, вообще-то, он прав, и я на самом деле придерживаюсь такой же идеологии, хоть сама на такие поиски никогда не отваживалась. Но черта с два я это признаю вслух! Поэтому, просто фыркнув, я пошла мимо него на кухню, но Риэр схватил кончики моих волос, притормаживая.

– И чтобы внести полную ясность: это как раз Мила была той, кто нуждался, чтобы ее, как ты выразилась, ублажили! – наклонился он поближе к моему уху. – А ты своим эффективным выходом оставила девушку неудовлетворенной.

Ой, прям сейчас со стыда сгорю, ага! Пусть эта Мила чешет свои зудящие местечки где-то за пределами моего личного пространства.

– А ты еще и гребаная служба сексуальной скорой помощи всем нуждающимся? – потянула я волосы из его хватки, но Риэр не отпустил, а, наоборот, приблизился так, что я уже отчетливо ощущала его тепло за моей спиной. В горле неожиданно стало сухо. – Трах-благотворительность?

– А вот это мимо, пупс! – резко выдохнул Риэр у моего виска, и я против воли поежилась, как от волны легкой щекотки, прокатившейся по всему телу. – Я ничего и никогда не делаю за так, альтруизм в любом его проявлении – точно не про меня.

– Вот уж не удивил, будто я могла бы прове... – начала я, но Риэр не резко, но настойчиво натянул мои волосы, заставляя зашипеть, выгнуться и откинуть голову к нему. Несколько секунд он пялился в мое обращенное к нему в этом не

слишком удобном положении лицо, и я не могла прочесть выражение его мрачной физиономии. Он злился? Сейчас последует опять какое-нибудь воспитательное действо? Но что я сказала такого уж...

– Запомни, пупс, если кто-то лишает меня удовольствия, то обязан эту оплошность компенсировать. Так что в следующий раз, прежде чем выскочить как черт из табакерки, подумай о возможных последствиях.

– А как же быть с тем, что ты на меня и в голодный год не позаришься?

– Да ладно, на что-то, может, и ты вполне сгодишься! – ухмыльнулся Риэр и настойчиво провел по моей нижней губе большим пальцем.

Я повернула голову, ускользая от этого наглого прикосновения.

– Попытка проверить это обернется для тебя не самыми приятными ощущениями! Лучше уж я наскребу денег и вызову тебе профессионалку, если случится еще раз подобное! – Ну, да, только пусть кувыркается с ней подальше от меня. – А за предупреждение спасибо, запомню.

Мила встретила меня все таким же обиженным взглядом и сразу взялась за мои ногти, причиняя, как я подозреваю, боли больше, чем необходимо.

– Знаешь, глупо ревновать такого мужика, как Рейчик, – устав наконец недовольно сопеть, заявила она, когда перешла от рук к волосам. – Такие, как он, не могут быть чьей-

то собственностью. Мы все уже давно смирились с этим, и тебе стоит привыкать, если хочешь, чтобы он спал с тобой хоть иногда.

Рейчик?! Господи, как бы под стол не свалиться!

– А мы – это кто такие? Фан-клуб постельных грелок этого самовлюбленного кобеля? Ай! – Мила дернула мой уже собранный хвост так, что позвонки хрустнули. Естественно, совершенно случайно.

Сучка! Ладно, я заслужила. Кто я такая, чтобы вешать на других оскорбительные ярлыки и осуждать.

– Мы не постельные грелки, а просто свободные самостоятельные женщины, не желающие обременять себя отношениями с мужчинами, которые приносят в жизнь только проблемы и рутину, – поучающе заявила она, стягивая мои волосы на макушке настолько туго, что наверняка глаза будут теперь раскосыми. – А Рейчик – тот, кто делает такой образ жизни возможным.

– Да неужели?

– Именно так. – Мила разложила на столе косметику и встала передо мной, всматриваясь в лицо и явно размышляя над боевым раскрасом. Я же изучила ее в ответ и поняла, что она старше, чем показалась на первый взгляд, и совершенно не выглядит какой-то безмозглой пустышкой. – Он дает нам шанс зарабатывать достойно и не зависеть от мужиков с их придурью и капризами. И лучше пару ночей в месяц, после которых ходишь с улыбкой до ушей, с ним, при-

ходящим-уходящим, как призрак, чем пахать так же самой, а потом еще готовить, обстирывать, угождать кому-то, кто не в состоянии даже удовлетворить тебя нормально и кончает, посопев на тебе с пару минут. Уж я-то знаю, о чем говорю.

Ну, мне-то тоже кое-что о таком известно. Но это нисколько не делает Риэра в моих глазах привлекательней. Это использование... ну да взаимное, но более человечным такого рода отношения не выглядят. Ни за что не поверю, что та же Мила отказалась бы быть у него единственной, вот только эта похотливая скотина наверняка никому из этих женщин такого не предлагает. Тоже мне благодетель и общественный, мать его, деятель.

– Я его не ревную и вообще не интересуюсь им как мужчиной! – решила внести ясность я.

– Конечно же интересуешься! – рассмеялась Мила. – Он просто великолепен и всегда дает именно то, что ты хочешь. У этого мужчины просто чутье на то, как сделать женщину довольной. К тому же он реально неутомим.

О, ну значит, в моем случае быть довольной – это большую часть времени желать выцарапать ему глаза за хамство. Интересно, эта Мила и остальные в курсе, что трахаются с кобелем, причем совсем не в переносном смысле? Не думаю, что стоит спрашивать.

– С Риэром мы просто сотрудничаем, причем вынужденно и недолго, надеюсь. Но даже будь по-другому, меня не интересуют отношения с открытым числом партнеров. Аб-

солютно точно! – Я посмотрела в голубые глаза Милы так, чтобы никаких подозрений, что мое заявление – просто кокетство, не осталось. – Не осуждаю тех, кому это подходит, но не мне уж точно.

Она нахмурилась, проходясь кисточкой по моим губам.

– Ну, значит, ты еще слишком молода, чтобы понять: отношений с гарантированно закрытым числом партнеров почти не существует, – вздохнув, ответила она. – Существует лишь их иллюзия и искусная ложь или же нежелание видеть правду. Повзрослеешь – пройдет.

Да вот уж нет. Если до сих пор не прошло, то, как говорится, уже хроника. Лучше уж одной, как сейчас, чем с кем попало, или вот так, как Мила и остальные члены клуба любителей Риэра. Ага, члены клуба любительниц его члена! Я едва сдержала непристойное фырканье, когда в голову пришло это определение.

– Ну, в принципе, и все! – заявила она, выпрямляясь. – Ты натуральная блондинка, и больше макияжа будет только хуже! Давай-ка одевайся.

Она поставила передо мной пару блестящих пакетов с логотипами бутиков и, прикусив губу, выскользнула из кухни. Неужели все еще надеется урвать свой кусочек сладкого?

– Ну нет уж, дорогуша, только не в моей долбаной квартире! – прорычала себе под нос я, вываливая из пакетов тряпки и обувь.

Глава 16. Наваждение

Но торопиться мне оказалось без надобности. Едва я успела надеть белье, весьма откровенное, к слову, как услышала приглушенные голоса в районе прихожей.

– Сегодня никак, Рейчик? – спросила Мила как-то так жалобно, что ли, что я невольно скривилась.

– Занят, – отрезал альфа. – Приду, когда смогу, Мила.

– Ну хорошо, сладкий, – разочарованно, но покладисто протянула она. – Я буду ждать. Можешь даже не звонить – просто забегай.

Тоже мне свободная женщина! Свободная во всем, кроме зависимости от траха с беспардонным хамом, для которого откровенная тоска, не слишком искусно спрятанная за легкомысленностью и смирением в голосе этой женщины, – пустой звук. Интересно, он не замечает ее чувств в силу общей присущей мужикам эмоциональной глухоты или потому что ему глубоко плевать на ее чувства? Ан нет, ни фига мне это не интересно. Не собираюсь я занимать свой разум причинами поведения абсолютно посторонних мне людей и нелюдей. У меня своих, гораздо более остро стоящих проблем хоть отбавляй.

Платье было мерцающе-белым, с одним открытым плечом, облегающим и гораздо короче, чем я привыкла носить. Я предпочитала избегать подобных фасонов, потому что мне

всегда казалось, что плотно льнущая к телу ткань и недостаточная длина делали меня еще более мелкой и хрупкой, чем я являлась на самом деле. Словно я вообще еще подросток или действительно уязвимая хрупкая кукла, вызывающая у окружающих желание посюсюкать и покровительственные взгляды. Чулки на резинке тоже не были привычным предметом гардероба. Ситуацию, на мой взгляд, немного исправляли изящные «трахни меня» туфли и просто обалденная на ощупь удлиненная куртка из мягкой тисненной черной кожи. Я любила и всегда охотно носила шпильки, компенсирующие недостаток роста, а вот кожа была моей страстью. Хоть и тайной. Вот куда ее, собственно, носить с моим образом жизни? Как-то во время шоппинга пару лет назад я примеряла в одном из бутиков кожаные штаны и открытый топ на шнуровке и покраснела тогда даже наедине с собой. Потому как такая одежда мгновенно превратила меня из просто хорошенькой куклы, которую все видели во мне, в куклу из секс-шопа. Ну мне так, по крайней мере, показалось, и поэтому, естественно, я ничего в том магазине себе не купила. Сейчас же я процокала в прихожую к большому зеркалу и оценивающе уставилась на себя. Ну, что сказать... Эта Аврора была красоткой, с необычайно вдруг яркими глазами и сияющей кожей, невесть откуда взявшимися офигенски очерченными скулами, а это платье словно волшебным образом делало мои обычные изгибы и женские достоинства очевиднее. При этом не выпячивая в стиле «заметьте меня

обязательно», а просто подчеркивая, что они у меня есть во всех нужных местах и вполне себе приличные. Короче, за девочку-недоростка в таком виде меня точно не примешь, но и дешевкой, готовой предложить все, что имею, первому встречному, я не выглядела.

– Всегда был уверен, что Мила свое дело знает! – Риэр появился позади меня бесшумно.

Это его способ сказать, что я неплохо выгляжу? Ну а чего ты хочешь, Рори. Какой мужик – такие и комплементы. Тем более нужны они мне от него, как зайцу стоп-сигнал! И, в принципе, я могла бы с ним согласиться, потому что результат мне нравился. Могла бы, но не стану!

– А по-моему, я выгляжу как пингвин, – из чистого упрямства возразила я.

– Чтобы ты, пупс, стала похожа на пингвина, тебя придется с полгодика держать без движения на диване и плотно кормить раз восемь в день, – фыркнул Риэр и неожиданно стянул через голову свою футболку, оставаясь у меня за спиной обнаженным по пояс. – Или даже десять.

Я крутанулась на каблуках и едва не запуталась в своих ногах, поворачиваясь к нему и одновременно пятясь.

– Ты что это делаешь? – испуганно спросила, указав пальцем куда-то в середину его мускулистого торса. Ого... то есть... да ладно... короче, не бывает же в реальной жизни мужчин, сложенных вот так! Я понимаю, модели там... или актеры... опять же фото с ретушью, акцентами и тенями для

большого рельефа; и всем известно, что они часами позируют, напрягаясь в нужных местах, и из миллиона кадров один удачный, а в жизни все гораздо тривиальней... Так! Рори, а ну стоп! Верни мозги на место.

Видимо, усилия по принудительному преобразованию состояния моих извилин из жидкого состояния в исходно твердое отразились-таки на моем лице, потому что Риэр нахально ухмыльнулся и взялся за пуговицу на джинсах.

– Я тебе уже говорил, что повышение либидо – это нормально, особенно в дни перед и после полнолуния, так же как и усиление аппетита и сильная раздражительность. – Он расстегнул молнию, а я стала бочком перемещаться в сторону комнаты, потому как он сам стоял ближе к входной двери. – Да уймись ты, я просто тоже хочу переодеться!

– Просто переодеться? – ехидно уточнила я, глянула вниз за каким-то чертом и тут же вскинула глаза, непроизвольно рвано вдыхая и ощутив себя на мгновение проводником мощного электрического заряда. Просто переодеться, значит? Ну-ну, тогда я, следуя его собственной линии сравнений, Николай Валуев. – Нет у меня никакого повышенного либидо. И, кстати, всегда была равнодушна к мужскому стриптизу.

– Это потому что стриптизеры так себе попадались, пупс, – самодовольно фыркнул Риэр, но я уже отвернулась и отошла подальше, пытаюсь осознать собственную реакцию на этого мужчину. И нет, даже не в этом прозрачно-прово-

кационном обнажении и демонстрации наличия стояка дело было. Возбужденный мужчина не такая уж невидаль, чтобы так меня пробрало. И я с самого начала смогла рассмотреть, что тело у этого кобелины что надо. Не мне надо, естественно, я всегда предпочитала парней... ну, во-первых, попроще, ибо красавчики – поголовно заносчивые задницы. А во-вторых, не с такой... э-э-эм... назовем это разницей в живом весе между мной и партнером. Так что не щедро представшее передо мной обилие гладкой загорелой кожи и слишком каких-то отчетливо прорисовывающихся мышц произвело на меня такой обескураживающий эффект. Нет, это был изменившийся запах Риэра. Какой-то запах-образ, точнее, целая череда образов и даже ощущений. Шокирующая прохлада недавно опавших листьев и аромат земли и смятой травы, смешанный с ароматом разгоряченной кожи и свежей испарины. Обжигающее, пронзающее, влажное скольжение внутри, приправленное и в сто крат усиленное пряным и головокружительным амбре чувственной жажды, слишком откровенной, острой и примитивной, чтобы быть только человеческой.

Я мотнула головой, отгоняя наваждение, но Риэр, словно издеваясь, прошел мимо меня, задев плечом, в комнату и стал ковыряться в своей большой спортивной сумке, водруженной на мой диван. Я же опять отвернулась, чувствуя себя каким-то идиотским волчком, что вертится на месте, стремясь избежать необходимости разглядывать теперь его ши-

рокую спину, контур мускулистых ягодич и длинные линии мощных мышц на бедрах.

– Знаешь, я как-то не пойму, в чем смысл этого моего обряжения и выхода в город, учитывая, что напали на меня непосредственно на помойке во дворе, – заговорила я, чтобы заставить свой разум отгородиться от всех совершенно неуместных картинок и пробирающихся сквозь его запреты желаний плоти. – Логичнее было бы выхаживать вокруг нее всю ночь, вот только форма одежды у меня для этого, прямо скажем, неуместная.

– Это бессмысленно, – ответил Риэр, звякнув ремнем, и я непроизвольно сглотнула. – Вокруг твоего дома Видид посадил своих прихвостней повсюду.

– Разве вы не договорились, что за мной ты следишь?

– Договоры – это просто слова, а на деле, как говорится, кто первый встал – того и тапки, пупс. А Видиду будет как серпом по яйцам, если поймаю обратившего я, а не он.

Памятуя о недавней реакции, я сочла за благо никак не комментировать это их соперничество и не задавать вопросов, в чем же его причина. Да наплевать мне, собственно, кто кому из них хвост когда-то так прижал. Для меня важнее то, что хоть для Риэра, хоть для Видида я не более чем живая приманка в их охоте. И моя главная проблема – и после нее остаться живой, так как этим зверюгам интересна только поимка дичи, а не моя сохранность.

– К тому же этот затейник не мог просто сидеть тут и

ждать наудачу, что к нему сама собой подгребет подходящая жертва, – продолжил Риэр. – Жертва для завершения круга призыва должна обладать достаточно мощной энергетикой, а не быть просто взятой наобум. Он пометил тебя раньше, а потом просто вызвал.

Вызвал? Никто меня не звал. Кажется. Хотя если следовать этой логике, какой-то же черт дернул меня потащиться на помойку, хотя и поход в магазин вымотал морально дальше некуда. Будто до утра и подождать никак нельзя было.

– До того вечера я не выходила из дома больше двух недель.

– Совсем? – Риэр встал передо мной уже одетый в черную шелковую рубашку и такого же цвета джинсы и стал застегивать пуговицы на манжетах. И, черт, почему-то я невольно прилипла взглядом к его запястьям. – Почему?

– Не важно, – огрызнулась я, наверное, больше на себя, чем на него.

– Я решаю, что важно, – надавил он своим фирменным альфа-голосом, и, недовольно закатив глаза, я рассказала о том случае, когда меня ограбили и чуть не изнасиловали, и общими штрихами о последовавшей после этого боязни покинуть дом.

Выслушал он меня с бесстрастным выражением, но и не сочувствия же я от него ожидала, в самом деле.

– Вот, значит, где-то в супермаркете он тебя и пометил, – пояснил Риэр. – У вас должен был случиться контакт, хотя

бы мимолетный.

Я задумалась. Какой-то детина толкнул меня у входа, охранник ходил как приклеенный, парень протиснулся мимо, когда стояла уже на кассе. Естественно, я ни лиц не могла бы вспомнить, ни тем более заметить что-то странное, уж не в том состоянии трясучки, с которым боролась тогда в магазине. Что же привлекло во мне, пропотевшей от борьбы с паникой, этого хренова ублюдка, пустившего мою жизнь под откос? Неужто энергия моего страха? Или сам процесс внутренней борьбы с ним? Да уж, говорю же, я везучая, таких еще поискать.

– Все равно не понимаю, почему мы тогда выходим в центр, а не станем гулять у того же магазина, – возразила я.

– Он что, идиот стоять ждать там тебя? – Риэр скривился раздраженно, и мне показалось, что он сейчас прикажет отстать от него и заткнуться, но он снизошел до объяснений: – Он не может терять время понапрасну, ведь выходит, что первый круг его призыва неактивен, пока ты жива. Будь я на его месте, отложил бы завершение с тобой на потом, когда внимание ослабнет, если не отказался вовсе. Потеря усилий за один месяц не сравнится с угрозой поимки. Я лучше кинулся бы наверстывать упущенное и начал собирать новый круг. А для этого предпочтительно выбирать сильных и здоровых молодых людей. А где максимальная концентрация таких вечерами и ночами, когда удобнее всего нападать? Детишки ищут, где кайфануть и развлечься и доступного сек-

са, а он идет за ними.

– Десятки клубов, баров, парки, где зависают компании попроще. Тысячи людей, Риэр! Какова вероятность найти его в этой толпе? – указала я на очевидное.

– Постарайся – и ноги тебя сами на него выведут, пупс! – обнадежил меня альфа. – А уж он-то твой запах должен поймать безошибочно, окажись вы вместе хоть на одной улице, хоть в переполненном потными телами клубе. Если и не ты его найдешь, так он тебя вычислит. Так что давай, пошли, дадим ему такой шанс.

– А знаешь что? – озлилась я. – Мне вот почему-то кажется, что ты тащишь меня в толпу именно для того, чтобы сбить с хвоста оборотней Видида и оставить за собой единоличное право на победу. Нечестная игра, учитывая, что она может стоить мне жизни!

– Когда кажется, пупс, креститься надо, говорят, – наклонившись к моему лицу, прорычал Риэр. – И кого волнует, что ты думаешь о моих методах? Будешь делать, как я скажу, и на этом все! На выход, живо!

Глава 17. Пират

Перед выходом я запустила руку в стоявшее на тумбе деревянное глубокое блюдо со всякой всячиной и выудила сигареты с зажигалкой, удивляясь, кстати, что ни разу не захотела поднять с момента возвращения домой после обращения. Еще там лежала короткая отвертка на все случаи жизни для одинокой девушки, что сама всему хозяйка и заодно мастер по починке всяких мелочей. Отцовский нож я потеряла при первом нападении во дворе, так что сойдет что есть. Незаметно сунула импровизированное оружие вместе с кошельком и телефоном в карман. Пусть это и смешно, но лучше хоть что-то, чем можно тыкнуть и причинить вред, чем совсем ничего, в моем-то положении. Перед подъездной дверью Риэр бесцеремонно отпихнул меня в сторону и вышел первым.

– Джентльмен из тебя, как я посмотрю, тот еще! – тихо проворчала ему в спину.

– Что весьма удобно для тебя, в случае, если Видидовские окажутся слепыми раззявами, а я ошибся в своих предположениях насчет логики твоего агрессора, – негромко огрызнулся он через плечо, окидывая улицу быстрым цепким взглядом.

Вот и с чего он мой? Мне такого ни даром, ни за деньги... Зарядил противный монотонный дождь, и, несмотря на

собственную недавнюю критику, я была благодарна, что машина Риэра стоит так близко, хоть за шиворот не натечет.

– Пристегивать будешь опять? – спросила, скрывая язвительность.

– Только если сама попросишь, пупс, – фыркнул Риэр. – Вежливо и с чувством.

Ага, как только – так сразу, ты, главное, жди терпеливо, альфа!

Когда выезжали со двора, краем глаза заметила тронувшуюся вслед за нами машину. Слежка или просто совпадение? Покосилась на Риэра, но ему, казалось, не было до этого дела, смотрел только перед собой. А я снова рассердилась на себя, оттого что неожиданно зависла, прослеживая взглядом за одинокой дождевой каплей на его гладко выбритой щеке, то вспыхивающей серебристо-белым, то гаснущей в свете фонарей, которые мы миновали, и медленно ползущей вниз к жестко очерченному подбородку. А вслед за этим внезапно настигшим меня моментом абсолютно нежеланного созерцания снова нахлынула волна его запаха, только теперь смягченная и одновременно подчеркнутая дождевой влагой. Я моргнула, откровенно матеря себя, и вдруг Риэр резко свернул в какой-то двор, проехал насквозь, снова влился в движение на проспекте, опять неожиданно свернул, и так несколько раз, и мне только и оставалось, что вцепиться в поручень и следить за тем, как не разбить себе голову. Вот и ответ на вопрос, есть ли за нами хвост.

Чем ближе к центру города, тем оживленнее становилось движение на дороге, и, несмотря на дождь, больше ярко одетых людей на тротуарах. Когда ты молод и хочешь развлечься, такая мелочь, как плохая погода, тебя не остановит. Насморк и больное горло назавтра – недостаточная причина для того, чтобы одеться тепло, а не эффектно, а возможный цистит и прочие малоприятные радости не повод просто остаться дома. Я мысленно закатила глаза. Ну прямо мысли столетней старухи, ей-богу! Риэр затормозил перед входом в какое-то заведение с безостановочно моргающей до рези в глазах вывеской «Сладкий лютик», окинул взглядом толпу у входа и, проехав чуть вперед, свернул в переулок, где и припарковался.

– Хватит сопеть как бешеный еж, пупс! Вылезай! – командовал он.

– Смотрю, список милых прозвищ стремительно пополняется, – буркнула, открывая дверцу, и тут же вздрогнула из-за противного сквозняка, пробравшегося под подол короткого платья.

– Прекращай на меня шипеть и изобрази девушку, радостно стремящуюся навстречу будущим приключениям.

– Это ты возможность подцепить черт-те что, познакомившись в таком месте, приключениями называешь? – ворчливо осведомилась я. – Или это шанс жизни лишиться должен меня радовать?

– О болячках тебе больше не стоит волноваться, пупс. Мы

ими не можем заразиться.

Здесь пахло гадко: мочой, всякими объедками, крысами, выхлопными газами с дороги. Вот и на кой черт иметь улучшенное обоняние? Чтобы получать ненужную для мозга информацию о том, что может валяться под ногами в таком милом местечке?

– О, ну конечно, это главное, что сейчас меня занимает! – огрызнулась, демонстративно зажимая нос. Естественно, в лифте в подъезде и похуже бывает несет, но туда я по собственной воле вхожу, а сюда притащилась вынужденно. Имею право на недовольство.

– Тебе не угодишь!

– Ага, я такая привередливая! Жить хочу! – Я резко споткнулась и осеклась, ощутив нечто вроде странного толчка в районе затылка, причем такое чувство, что кто-то ткнул пальцем прямиком мне в мозг, минуя волосы, кожу и кость. Поежилась от крайне неприятного чувства и покосилась на Риэра. Это что, какая-то очередная дисциплинарная альфа-штука, вроде незримого подзатыльника? Вот ведь гад он все-таки!

– Так живи, кто тебе не дает-то! – ответил нисколько не раздраженный Риэр, как и прежде совершенно игнорирующий мой гневный упрекающий взгляд, и подтолкнул меня в поясницу ближе к входу сквозь сборище массово пускающего клубы сигаретного дыма народа, то и дело кивая кому-то вокруг и довольно улыбаясь. Явно он тут не впервые. Что под-

твердил и широкий оскал здоровенного охранника на входе, который, видимо, должен был означать «добро пожаловать» улыбку. Я приняхалась, желая узнать, был ли этот громила человеком, но сквозняк, смесь множества парфюмов и густой табачный смог с улицы не позволили мне ничего уловить.

Стиль внутреннего убранства бара ничем не соответствовал упоминаемому в его названии цветочку. Черный бархат, драпирующий стены, странным образом расположенные зеркала и прозрачные светильники везде, без всякой на первый взгляд четкой схемы, из-за чего все отражения множились, преломлялись, акцентировались на одних деталях и смазывали другие. Блестящий хромированный металл повсюду, и единственный цветовой акцент – обивка диванов и стульев из насыщенно-бордовой, словно плотное вино на свету, кожи. Коротко глянув в один образованный отражениями зеркальный тоннель, поразила тому, как и сам Риэр, и я гармонично вписались в этот интерьер, учитывая монохромный выбор цветов одежды. Слева и дальше вглубь, где было меньше зеркал и света, виднелся приличных размеров танцпол, и там лениво покачивали бедрами несколько уже начавших веселье девушек. Музыка была ритмично-однообразной, но не слишком громкой, и большую часть шума производил именно галдеж посетителей, которыми были плотно набиты все относительно уединенные ниши, кабинки и открыто стоящие столики со стульями. Да уж, не похоже, что здесь можно

присесть. Но Риэр и не собирался этого делать и увлек меня дальше к бару. Сама стойка барменов и множество бутылок с напитками за их спинами были подсвечены очень ярко и таким образом, будто не являлись единым целым с остальным, погруженным в полумрак и бесконечные тени-границы помещением. Там тоже не наблюдалось свободных мест, но Риэр в своей обычной нахальной манере протиснулся к самой стойке, повелительно и одновременно небрежно махнул рыжей, коротко стриженной девушке-барменше, повернулся к парню, сидевшему на ближайшем к нам высоком стуле и приподнял бровь. Тот глянул на альфу раз, потом еще, гораздо наглее и пристальней, но спустя секунд тридцать вдруг скис и сполз с кожаного сиденья.

– Примащивай свой зад, пупс! – приказал альфа, а сам привалился к стойке, наблюдая, как барменша, просияв, движется к нам.

– Рей! – завизжала она и, нагнувшись, дабы блеснуть своим глубоким декольте, бесцеремонно схватила его ладонь. – Почему не заходил так давно?

Меня она, похоже, демонстративно не замечала.

– Был занят! – не слишком дружелюбно ответил альфа и отодвинул руку, резко разрывая их контакт. – Налей мне как всегда, а девушке чего-нибудь реально вставляющего и расслабляющего.

Теперь рыжая меня «внезапно» заметила и даже соизволила усмехнуться.

– С каких это пор твоим подружкам нужен алкоголь, чтобы расслабиться? – насмешливо спросила она, хотя для меня был слишком очевиден обиженный блеск в ее глазах. Еще одна свободная и независимая из коллекции этого бесчувственного кобеля? Да без разницы, лишь бы в стакан не плюнула. Ядом.

Риэр вопрос будто не заметил, я демонстративно посмотрела в отражающий гладкий потолок, и девушка, мимолетно поморщившись, словно у нее что-то болело, пошла выполнять заказ. Альфа, прислонившись в стойке спиной, сканировал зал, я же ощущала себя тут не в своей тарелке, поэтому осматривала все вокруг искоса, то и дело натыкаясь на любопытные взгляды, направленные в нашу сторону. Так и хотелось передернуться от этого раздражающего внимания. Если Риэра тут неплохо знают, то наверняка мне уже прилепили ярлык его очередного завоевания.

Вскоре перед нами появились напитки. Причем в стакане Риэра было что-то подозрительно похожее на обычный ананасовый сок, зато передо мной оказался высокий бокал со слоистым многоцветным содержимым, трубочкой и довольно сильно пахнущий алкоголем. Учитывая пропорции между моим размером и объемом порции и совсем не близкую прежнюю дружбу с выпивкой, эта доза должна меня сбить с ног.

– Давай пей, пупс, в темпе! – пихнул меня Риэр плечом так, что я чуть не слетела с насеста.

– Если я это выпью, то вряд ли смогу соображать адекватно и ходить прямо, – предупредила его.

– А разве я упоминал, что нуждаюсь в том, чтобы ты думала? – нагло ухмыльнулся он, цедя свой напиток. – Твое дело – молча исполнять только то, что скажу, и преданно смотреть в ожидании новых указаний.

Я сжала руки в кулаки, справляясь с желанием выплеснуть содержимое стакана в его наглую рожу. Нет, ну не бесящая ли он до трясучки сволочь! Да чтобы ты соком этим своим захлебнулся, гад самодовольный! Глядя прямо в его откровенно-насмешливые глаза, выдернула из стакана трубочку и быстро осушила его, не останавливаясь, хотя в какой-то момент показалось, что в желудок льется тягучий подслащенный огонь, и даже слезы навернулись.

– Надо же, и не порвалась! – хмыкнул Риэр, глянув на опустевший бокал, и сделал знак рыжей повторить. – А теперь будь умницей, пей потихоньку, сиди на месте и слушай музыку. А у меня дела.

И он просто ушел, мгновенно теряясь в еще прибывшей толпе и оставив меня наедине с новой порцией в совершенно незнакомом месте, в котором я ощущала себя дико некомфортно. Что, блин, за нафиг? На кой черт он меня вообще сюда притащил? Залить по самые глаза алкоголем? И это мы так ловим напавшую на меня долбаную зверюгу? Охрененно профессиональный подход, ага.

Время шло и шло, альфа не появлялся. В голове стало пу-

сто, зато тело ощущалось расслабленным и звенящим одновременно, сердце как будто подстроилось к битам ставшей громче музыки. Несколько раз ко мне попытались подвалить игриво настроенные особи противоположного пола, но, очевидно, мое упрямое молчание и угрюмый взгляд не располагали к развитию общения, поэтому они как появлялись, так и исчезали. Где-то на середине второго коктейля передо мной встала рыжая барменша.

– Знаешь, привести тебя сюда, а самому уйти перепихнуться в приват-зону – это перебор даже для Рея, – язвительно заявила она. – Ты что, себя вообще не уважаешь, чтобы терпеть такое?

Я уставилась на нее уже изрядно расфокусированным взглядом.

– Единственная, кого волнует, чем он занят сейчас, – это ты, – ответила я ей и... соврала. На самом деле меня изрядно уже достало это сидение на прилипающей к заднице коже, мне хотелось в туалет и вообще свалить отсюда к черту. И концентрация жидкой храбрости в крови, кажется, достигла той критической точки, когда сделать именно это я была вполне готова. Инстинкт самосохранения почти полностью сдался перед выросшей до огромных размеров злостью на гребаного Риэра, который бросил меня ради того, чтобы макнуть куда-нибудь свой член. Я сползла с высокого барного стула и покачнулась.

– В конце зала в правый коридор, – напутствовала меня

рыжая, очевидно, подумав, что я собралась на разборки с блудливым кобелем. – Третья дверь с краю. Его любимая комната.

Ага, прям мчусь, ног не жалея! Прерывать его секс-расслабон, особенно после полученного ранее сегодня предупреждения о последствиях, нет никакого желания. Для начала стоит посетить дамскую комнату, а там уже посмотрю. Только я оказалась на ногах, испытанное на улице чувство, будто кто-то меня ткнул в затылочную часть, повторилось. Причем настолько усиленное, что я чуть не полетела носом вперед. А может, это у меня просто уже и сами собой ноги заплетались. Остановленная мною девушка с мутным взглядом на вопрос, где удобства, неопределенно махнула куда-то вправо, и я отправилась куда послали, проталкиваясь сквозь толпу. Закатила глаза и застонала, увидев, какая там бесконечная очередь страждущих. Ну а с моим патологическим везением разве могло быть по-другому? Привалилась плечом к стене, наблюдая за совершенно неспешным продвижением шеренги из притопывающих девиц. Теперь понятно, отчего в той подворотне так специфически пахло. Быстрее пару раз туда смотаться, чем тут дожидаться. Когда всерьез прижмет, как-то не до угрызений совести и щепетильности. Интересно, к тому времени, как я вернусь, Риэр уже успеет вернуться, или он любитель подольше растянуть веселье? Не интересно, Рори, совершенно! Вопрос лишь в том, поверится ли он на меня, не обнаружив, где оставил, или нет.

Хотя какой же это вопрос. Конечно да.

В коридор, что-то легкомысленно насвистывая, свернул высокий парень с ящиком пива, пристроенным на широком плече. Очевидно, один из местных служащих. Я невольно уставилась на него, заметив черную повязку, пересекавшую лицо и закрывавшую его левый глаз. В сочетании с темно-зеленой банданой, расстегнутой едва ли не до пупа рубашкой и закатанными рукавами она придавала ему дерзкий, прямо-таки пиратский вид. Круто, однако! Да и вообще мне он вдруг показался необычайно привлекательным, до такой степени, что так и продолжила откровенно на него пялиться, пока парень приближался, ступая легко и пружинисто, будто и не был обременен нелегким ящиком. Перехватив мой взгляд, он ярко и открыто улыбнулся, обнажая прекрасные белоснежные зубы, и игриво подмигнул. А я расплылась в ответной улыбке, почему-то совершенно не способная этому противостоять. «Вот, наверное, выгляжу дура душой, уставившись на незнакомца», – промелькнула мысль, но тут же стало плевать. Он мне нравился. Вот так вот внезапно, сильно, и я не видела ни одной причины, как-то этому сопротивляться.

– Дальше по коридору и за углом есть служебный, – прошептал красавчик пират, поравнявшись со мной и стремительно наклонившись к самому моему уху, и, не останавливаясь, пошел дальше. А я... я, будто овца на веревочке, потопала за ним. Через десяток метров свернула за угол, огля-

делась, но не обнаружила никаких дверей, кроме одной в самом конце коридора, к которой и прислонился поманивший меня парень, избавившийся уже от ящика. Он продолжал улыбаться, но теперь от этого почему-то побежали мурашки по коже. Я тряхнула головой, застигнутая врасплох новым противным тычком сзади в мозг, и прищурилась пристально, глядя в его лицо и недоумевая, какого же хрена он показался мне настолько привлекательным. Его черты были словно пронизаны жестокостью, а единственный глаз будто жег мне лицо.

– Что, своей работой любишься? – жутковато прорычал он, указав на повязку.

Гулко сглотнув, я шагнула назад, он со смертоносной стремительностью повторил мое движение, оказываясь намного ближе. Времени на осознание собственной тупости не было, и, заорав, я шарахнулась назад, разворачиваясь. Но крик мой оборвался, когда ублюдок сильно дернул меня за собранные в хвост волосы и швырнул в дверь за собой. Она распахнулась от удара, и я кубарем выкатилась наружу, в темноту, очутившись на четвереньках в какой-то огромной зловонной луже.

Глава 18. Схватка

Со всей доступной мне сейчас скоростью я вскочила на ноги, шипя нечто невнятно-матерное от жжения в счесанных ладонях и коленях, и метнулась прочь, только для того чтобы понять: находимся мы в каком-то тупике, рядом с мусорными баками. Очевидно, какой-то задний двор клуба, окруженный с трех сторон кирпичной стеной метра два с половиной высотой и запертыми глухими воротами – с последней, четвертой.

– Да что же тебя к помойкам-то так тянет, дворняга ты долбаная? – пробормотала, пятясь и сбрасывая по ходу туфли на огромных каблуках, пока не уперлась спиной в стену. Огляделась еще раз со смесью паники и тоски. Никакого шанса, что как-то смогу перебраться через эту преграду – я ведь не чертов человек-паук или там прыгучий кузнечик. Вот так и придет мне конец в этом вонючем закоулке, пока скотина Риэр развлекается буквально в десятке метров от меня. Эх, лучше и правда пошла бы его искать и обломала в очередной раз, хоть на душе стало бы приятно от осознания, что сделала этому кинувшему меня на произвол судьбы козлу маленькую, но гадость.

– Некуда бежать, – ухмыльнулся одноглазый, торопливо снимая рубашку. Еще и запачкаться, видно, боится.

– А кто сказал, что я бегу? Прошлый раз совсем не я убе-

гала. – Проглотив свой страх, нащупала в кармане отвертку и прикинула свои шансы. Ну, похоже, их не слишком много. Собственно, никаких. Интересно, если я стану голосить что есть сил, хоть кто-то услышит и поможет?

– Орать бесполезно. Даже если тебя услышат, то помочь не успеют, – ответил на мой незаданный вопрос агрессор, успевший уже раздеться до трусов.

Остроумный или вообще хоть какой-то ответ на ум не шел, так что выходит – помирать мне, так и не сразив мерзавца своим неповторимым сарказмом.

– А я думал, придется пару дней тебя за собой потаскать, пупс, пока он на тебя выйдет, но с тобой все не по плану! – раздался откуда-то сверху голос Риэра, напугав меня до икоты, даже сильнее, чем появление моего предполагаемого убийцы. И снова никакой подходящей колкости на ум не пришло, только и выдохнула со смесью гнева и облегчения.

Почти голый «пират» вскинул голову и предупреждающе зарычал, сделав в мою сторону несколько шагов. Больше всего мне хотелось завизжать по-девчоночьи и рвануть от него, пусть даже это означало бегать тут по кругу, но откуда-то пришло понимание, что паника приведет только к немедленной атаке. Ты бежишь – хищник преследует, закон жизни, однако. Поэтому я просто стала плавно и неторопливо скользить вдоль стены, увеличивая дистанцию. Тем более что мужчинам, кажется, было немного не до меня.

– Ты смеешь на меня скалиться, Муратик? Совсем страх

потерял или попутал что-то в этой жизни? – с немного чрезмерно подчеркнутым изумлением спросил Риэр, и теперь я смогла разглядеть прямоугольник темного окна на уровне третьего этажа и силуэт сидящего на подоконнике, свесив наружу ноги, мужчины.

– Не называй меня так! – рявкнул презрительно-ласкательно обозванный «Муратиком» и явно в ярости повернулся от меня к альфе, что не могло не радовать. – Мое новое имя Ипиго, и плевать я хотел на твой статус и на других альф! Вы теперь ничто, самодовольные ничтожества, которым очень скоро укажут их место!

С эпитетами, данными одноглазым властным засранцам, я была полностью согласна, но, само собой, поддерживать его правоту вслух не собиралась. Меньше надо отвешивать, и авось они тут в пылу своих иерархических разборок обо мне забудут. Я пристально присмотрелась к воротам, прикидывая величину щели между железным полотном и землей и собственные размеры. Протиснусь или нет?

– Ух ты! И кто же это такой грозный? – фыркнул Риэр и, оттолкнувшись, прыгнул вниз, мягко приземлился, лишь кратко коснувшись асфальта кончиками пальцев одной руки, тут же выпрямился и брезгливо затряс ими. А я, между прочим, на этом стою. Босиком!

Среагировав на его появление во дворе, одноглазый рыкнул и метнулся в мою сторону, но Риэр молниеносно встал у него на пути и отбросил. Самого перемещения альфы я и

не увидела. Только он стоял у противоположной стены, и вот уже его широкая спина прямо перед глазами, а мой почти убийца летит и врежется лопатками в кирпичную кладку с глухим стуком, будто состоит совсем не из плоти, а сделан из дерева. Буратино-переросток, блин. Если бы меня, да и любого нормального человека так вмазали в стену, то подняться был бы уже не вариант, да, пожалуй, и выжить тоже, а одноглазому хоть бы что. Спустя долю секунды он уже снова был на ногах и стремительно обходил Риэра слева, похоже, примериваясь, как через него добраться до меня. И от этой его жуткой целеустремленности и неубиваемости мне стало окончательно страшно.

– Рейчик, прикончи его уж как-нибудь! – заныла я, наверняка звуча ничуть не лучше той же Милы. – Обещаю, я тебе за это больше никогда в жизни дерзить не стану!

– Заткнись, пупс, ты меня отвлекаешь! – огрызнулся альфа, неотрывно отслеживая движения противника, который теперь стал расхаживать перед нами туда-сюда, словно выискивая лучший угол для нападения. – И, кстати, не стоит давать обещаний, которые ты в принципе не способна выполнить.

– Уйди, Риэр! – потребовал Мурат-Ипиго. – Я не хочу тебя убивать. Ты со временем можешь понять и принять все, что грядет. Именно ты, в отличие от тупых других альф, чья участь жалкая уже предначертана.

– Муратик, а ты, часом, не обдолбался, щенуля? Го-

воришь как помороженный, убийством мне грозишь. Ты! Мне! – насмешливо и высокомерно ответил Риэр и сложил на груди руки, будто вообще не воспринимал одноглазого за противника, достойного его высочайшего внимания, но я видела, как напряжена его спина, и взгляда он не отводил.

– Уйди! – Голос одноглазого сломался и стал грубее, он странно сгорбился и стал опускаться к земле. – Последний шанс! Сдохнешь ни за что!

Да как же! Я себя «ничем» не считаю! Я у себя одна такая!

– Ты и с девчонкой размером с воробья не смог справиться, неудачник, – поддел его альфа, – куда тебе на меня рыпаться, Муратик!

– Ты хоть представляешь, как это больно, когда тебе в глаз ножом тычут! – заорал тот оскорбленно и плюхнулся на четвереньки.

– Ну, это тебе цветочками покажется, обещаю! – фыркнул Риэр.

И без того монотонно моросивший до этого противный осенний дождь хлынул с новой силой, став как будто в разы холоднее, чем прежде, и за шиворот потекло уже не каплями, а целым ледяным ручьем. Господи, да начинайте уже мочить друг друга! Я же сейчас уже просто сдохну! Если не от страха, так от переохлаждения!

– Гребаные тряпки, – прорычал Риэр, с треском раздирая свою рубашку, и его голос тоже стал ниже и страшнее, а сам альфа отзеркаливал движения чокнутого агрессора. – Пупс,

я сейчас слегка займу парня, а ты бегом по стеночке и внутрь. Ждешь меня в коридоре, в толпу не лезь, нам палево с массовой резней, если что не так пойдет, ни к чему. Поняла?

Последнее он произнес уже едва разборчиво, не столько слова, сколько низкое раскатистое ворчание, а потом... потом стало происходить то, во что бы никто меня не заставил поверить еще каких-то несколько дней назад. Мужчины на моих глазах стали оборачиваться в зверей. И сопровождалось это поистине тошнотворными чавкающими звуками, хрустом костей и отвратительными щелчками меняющих углы суставов. Неужто и со мной происходило тоже самое? Гадость просто несусветная! Еще и в стереоэффекте, учитывая синхронность метаморфозы у обоих. А когда она завершилась, я мгновенно осознала, в какой мы с Риэром оказались жо... безвыходной ситуации. Потому что если стоящий прямо передо мной зверь хоть и был здоровенным, мускулистым воплощением дикой силы, то наш враг превратился в настоящего монстра. Раза в два шире зверя Риэра, пусть и немного ниже, он весь будто состоял из чудовищных бугров вздувшихся напряженных мускулов под взъерошенной темной шкурой. Напоминал скорее какого-то бронированного носорога, чем гигантского волка, с огромной лобастой башкой и распахнутой пастью, где я могла бы, наверное, целиком уместиться. Совершенно не помню, как он выглядел в первый раз, когда напал на меня, но теперь я просто представить не могла, что каким-то образом умудрилась его остановить.

– Господи-божечки! – придушенно выдавила я, понимая, что если раньше и не верила, то сейчас самое время проникнуться религиозным пылом и молиться о чуде. – Жуть же какая!

А Мурато-монстр чуть опустился к земле и оттолкнулся, покрывая все разделяющее нас расстояние в один прыжок. Зверь Риэра вскинулся на передние лапы, а я, подчиняясь молниеносному интуитивному озарению, просто повалилась набок, поджимая ноги ровно за долю мгновения перед тем, как обе туши врезались в стену, у которой я только что стояла. Если бы осталась на месте, от меня бы уже только лепешка, по кирпичам размазанная, осталась. Не раздумывая над этим «если бы», послушно кинулась выполнять приказ Риэра, перекатившись сначала несколько раз веретеном и создавая дистанцию между мной и остервенело рвущими друг друга зверями, а потом вскочила на ноги и кинулась к спасительной двери в клуб. К черту, эти разборки не в моей весовой категории, и мне тут просто не место! Уже схватившись за ручку, я обернулась. Ну зачем, зачем я это сделала? Ну не начхать ли мне? Главное же, что сама вырвалась! Нет, как выяснилось – не начхать! Как бы ни хотелось сбежать сломя голову, мне необходимо было убедиться, что именно Риэр выйдет победителем в этой бойне. Потому что каким бы он ни был кобелем, хамом и мерзавцем и т.д. и т.п. до бесконечности, если он проиграет, то остановить этого оборотня на стероидах будет некому.

– Гадство! – топнула я ногой, всматриваясь во взаимно рычащую и крушащую кучу плоти, и похолодела.

Риэр был внизу. В смысле, как-то уж совсем-совсем плохо внизу. Мурато-монстр буквально распластал его под собственной тушей и как раз сжимал жуткие челюсти на его горле, несмотря на отчаянные попытки Риэра сбросить того и извернуться. Довыдывался, гребаный ты альфа-позер! Щенуля оказался совсем не прост, и тебе, выходит, не по зубам? Разве нельзя было взять кого-то на подмогу? Нет, же давай теперь, Рори, выручай! А что я могу?

Чудище мотнуло головой, не отпуская из захвата глотку волка, приподнимая того над землей и бросая обратно, пытаюсь, похоже, таким образом сломать ему шею и добить окончательно, и я, выхватив свое смехотворное оружие, рванула к ним, костеря в уме на чем свет стоит и себя, и сраных оборотней, и вообще весь поганый мир, в котором такое, оказывается, возможно. Ну куда я лезу? Хочу быть чертовой принцессой в розовом, которую любят, обожают, берегут, заботятся и балуют, а вынуждена по жизни вечно все сама и за себя, и за кого-то, а теперь еще и в какую-то долбаную Никиту превращаюсь! Ну почему я и со мной? Но нараставший с дикой скоростью страх и невероятная злость на тварь эту, жизнь мне всю испортившую, неожиданно будто влили в кровь горящее ракетное топливо, и я запрыгнула на спину Мурато-монстру, седлая его, и, схватившись за одно ухо рукой, а в другое вцепившись зубами, слепо стала тыкать от-

верткой куда-то ему под нижнюю челюсть. После первого же удара по пальцам буквально стегнула тугая горячая струйка, но я успела ткнуть туда же еще дважды, превращая ее в полноценный поток, прежде чем взлетела в воздух, точно щепка, и, пролетев несколько метров, грохнулась плашмя на спину, теряя способность дышать. Отшвырнувшее меня чудовище бросило истерзанного Риэра и пошло на меня, а я только и могла что смотреть. Даже отползти не вышло бы, руки и ноги как отнялись в момент удара. Жутко скалясь и капая кровавой слюной, он был уже прямо надо мной, и я готовилась ощутить, как будут рваться кожа и мышцы, но Риэр решил-таки ожить и поучаствовать еще раз в веселье. Я не видела, как он поднялся, только тот момент, когда вцепился в загривок Мурату и тряхнул, возвращая тому не доведенную до конца любезность и ломая шею. Но ровно за мгновение до его рывка я заметила, как остекленел единственный уцелевший глаз монстра. Безжизненная гора перекачанных мускулов повалилась рядом со мной, Риэр обмяк поверх нее, я же все еще не могла шелохнуться и только гневно смотрела на него, потому как, между прочим, неплохо так лежать на теплой туше поверженного противника, в отличие от меня, распростертой на холодном мокром и к тому же грязном асфальте. Но прежде чем я успела высказаться о способности альфы везде пристроиться с удобством, мое тело пронзила вспышка такой боли, что позвоночник выгнуло дугой, а в голове будто рванула свето-шумовая граната. Я, навер-

ное, орала бы так, что меня полгорода услышало бы, но легкие почему-то ощущались абсолютно пустыми. Ослепительное, невероятно жгучее, бесцветное сияние заполнило голову, потом стремительно стекло в грудную клетку, выжигая все и там к чертям, а после хлынуло двумя равными потоками в раскинутые по земле руки. Спалив по дороге, кажется, мои мышцы и кости, оно достигло пальцев и, прорвав кожу, брызнуло наружу, обращаясь в тонкие гудящие напряжением нити, которые устремились во всевозможных направлениях. И как только это произошло, у моего бедного организма будто вырубил питание, погружая в бессознательную темноту.

Глава 19. Зверорожденный

– Тихо, пупс, у меня голова лопнет от твоего вопля! – привел меня в сознание повелительный рык Риэра, и я, замедив, поняла, что действительно воплю во все горло и отчаянно сражаюсь не с громадной лапищей чудовища, давящей на грудь, а с ремнем безопасности, надежно удерживавшим меня на месте и не дававшим рвануться и разбить себе лицо о переднюю панель его авто.

– Что это было такое? – вышло едва ли внятно из-за того, как пересохло во рту.

– Пупс, ты чего? – хмыкнул Риэр. – Мы прикончили Мурата, который покусал тебя, и можешь считать, что самая главная угроза миновала.

Надо же, даже «мы», а не «я»!

– А потом? Что это такое было потом?

– В смысле потом? – Альфа покосился совершенно непонимающе, но прищур его глаз заставил меня почему-то прикусить язык.

– Ничего, – буркнула недовольно.

Все еще ошалевшая, я поднесла к лицу руки, чтобы увидеть, что они не обожжены и даже ссадины закрылись и подсохли. Ладно, мне ведь могло все и причудиться? В свете последних событий в моей жизни – вполне! А вдруг эта странная, посетившая меня наяву или в фантазии вспышка – ка-

кая-нибудь смертельно наказуемая в среде оборотней хрень? Молчание всегда предпочтительней болтовни. Тем более когда не уверена, было ли все на самом деле. Но, по крайней мере, мокрая, грязная и залитая кровью одежда, рваные на коленях чулки и отсутствие обуви подтверждали, что само нападение обожравшейся стероидов зверюги, как и мое самоубийственное вмешательство в безумную собачью драку все же имели место быть, а не являлись плодом моего воображения. Да и то, что альфа хоть и вертел баранку с совершенно невозмутимым лицом, но был одет только в какие-то свободные светлые штаны, подтверждало, что я все остальное правильно запомнила. Проморгавшись, я осмотрела Риэра в поисках ран, но ничего не нашла. А ведь точно: даже в полутьме, что царила в той проклятой подворотне, видела кровоточащие свисающие лохмотья шкуры – работу челюстей Мурато-монстра.

– Оборот все излечивает в моем возрасте, пупс, – не поворачивая головы, пояснил Риэр, хотя я так и не спросила.

– А у меня тоже так будет? – сипло прокаркала, заставляя работать словно забитое песком горло.

– Так – никогда, – обрадовал альфа. – Но если проживешь достаточно долго, то любая рана станет заживать за сутки, двое.

Меня неожиданно передернуло так сильно, что аж зубы лязгнули. Но причиной был не холод и не омерзение от липнувшей к телу одежды. По коже во всех чувствительных ме-

стах словно прошлись раздражающе царапающими коготками. Раздражающе тем сильнее оттого, что это было еще и пронзительно-возбуждающим. А еще... как будто эти ощущения были не совсем моими или не так... не только моими. Какого черта?

– И почему же это так, как у тебя, не будет? – пробормотала, потрянув головой, отгоняя странное наваждение. – И сколько это «достаточно долго»?

– Я – Зверорожденный, пупс, а ты обращенная, – ответил Риэр на мой первый вопрос и, видимо, решив, что сделал это исчерпывающе, перешел ко второму пункту: – Лет пятьдесят.

– Повышенная регенерация на пенсии мне будет очень кстати, – фыркнула я и наконец озадачилась присмотреться, в каком направлении мы ехали. Точно определить не смогла, похоже, пригород, одно ясно – точно не ко мне домой.

Странное царапанье повторилось теперь будто уже глубже кожи, и меня снова потрянуло. Плюс в низ живота будто мягко, но настойчиво ткнул горячий кулак, заставляя стиснуть зубы и сжать бедра. И чертов запах... От меня несло той самой помойкой, около которой пришлось валяться, чужой кровью, мокрой псиной, еще не пойми чем, чем-то на редкость отвратительным, но это никак не мешало собственному аромату Риэра не просто просачиваться сквозь всю эту гадость, но и перекрывать ее, становясь почти единственным, на чем считал нужным сконцентрироваться мой мозг. Да что

же такое-то?

– Не парься, бабушкой ты точно выглядеть не будешь к тому времени, только полную силу наберешь. Если доживешь, конечно.

– Это что у тебя, главная фраза недели? – повысила я голос, чувствуя, как постепенно начинала закипать от неспособности контролировать происходившее с моим телом и сознанием. За это остро захотелось понаблюдать за смертью долбаного Мурата еще... раз пятьсот! И поучаствовать тоже. И еще раз несколько прибить Риэра. – А где труп? Нас же никто не мог видеть? И куда мы вообще едем?

– Без сознания ты мне нравилась больше! – закатил глаза Риэр. – Помолчи и прекрати сыпать вопросами!

– Ладно. Тогда ответь только на один. Когда я буду дома, и как скоро ты уберешься из моей жизни и квартиры?

– Это два вопроса! – рыкнул Риэр. – И когда сам сочту необходимым. Довольна?

– Нет!

– Ну и пофиг! – Он резко куда-то свернул, спустя минуты три мы подкатили к воротам из металлопрофиля и альфа требовательно нажал на клаксон.

Ворота дрогнули и стали отъезжать в сторону, а в салон просочился мерзкий запах, с лихвой перекрывающий все остальные.

– Что за ужас? – скривилась я, зажимая нос.

– Мусоросжигательный завод, – довольно оскалился Ри-

эр. – Надо же убирать за собой, пупс.

Да что же это за нескончаемый вояж по помойкам всех видов и размеров у меня? Это что, ненавязчивый намек высших сил на то, во что превратилась моя жизнь?

Авто вкатилось на территорию и достигло большой бетонной площадки, со всех сторон ярко освещенной фонарями. Четыре здоровенных силуэта вынырнули из темноты за ее пределами и торопливо направились к нам. В одном из них я узнала того самого блондина, что похитил меня из квартиры, и кончики пальцев неожиданно зачесались от желания оставить отчетливые кровавые следы на его наглой физиономии. Словно услышав на расстоянии мои мысли, он уставился сквозь лобовое стекло прямо на меня. Конечно, я помнила о предупреждении Риэра не пялиться никому открыто в глаза, но, даже сцепив зубы, не смогла отвести глаз. Неожиданно альфа наклонился набок, едва ли не укладываясь мне на колени, так что его затылок оказался прямо у меня перед лицом, полностью перекрывая мне обзор. Открыл бардачок, порылся там и стремительно выпрямился. Блондин уже стоял вполоборота к машине и пристально смотрел себе под ноги.

– Бесишь, пупс! Сиди на месте! – прошипел Риэр и вылез из авто, обдав меня волной уличного холода и новой порцией местного зловония.

Он, не удостоив никого из четверых даже кивком, обошел внедорожник и открыл багажник. Потом вся машина дерну-

лась, и что-то грузно плюхнулось.

– Твою же ж мать! – негромко сказал кто-то. – Это еще что за хрень такая?!

Еще несколько голосов так же выразили изумление в нецензурной форме, а потом я увидела, как Риэр с легкостью волочит за заднюю лапу громадную тушу, бывшую когда-то Мурато-монстром, по бетону поближе к фонарю. Хм... а разве оборотни не превращаются обратно в людей после смерти? По версии голливудских триллеров – так и есть, но всегда знала, что реальность намного непригляднее книг и кино. Дотащив труп, очевидно, куда хотел, Риэр бросил его и достал телефон. То же самое сделали и остальные. Засверкали вспышки, пока они снимали мертвое тело со всех сторон, и даже пасть открыли, запечатлевая вид жутких челюстей. О чем говорили в процессе, слышно не было, да я и не прислушивалась, потому что как раз накрыло новой вспышкой скребущегося все глубже... даже не знаю, как назвать... эмоционального царапанья, что ли. Теперь было похоже, что оно подобралось уже вплотную к моим нервным окончаниям, и я аж шумно фыркнула несколько раз, сдерживая накрывшие ощущения. И разозлилась до невозможности, так что едва не заорала, поражаясь, как докатилась до такого. Чудовища, обращения, эмоции, норвящие взорвать мозг, драки, убийства, труп в багажнике, завод этот, точно из фильма про лихие девяностые, рожи эти уголовные, фотографирующиедохлого монстра... как так-то? Что стало с моей привычной

реальностью? Куда она девалась? Неужели ничего уже нельзя вернуть в исходную точку?

Риэр вернулся в машину и, не мешкая, тронулся. Я же отвернулась от него – общаться не было желания, потому что он тоже был напрямую причастен к разрушению обычной картины моего мира. И я его за это ненавидела. И с каждой минутой все больше и больше. И не только за это. Отделаться от его проклятущего запаха не удавалось, даже задерживая дыхание. Он будто всверливался в мозг и оттуда растекался... туда, куда не надо!

На этот раз мы все-таки приехали к моему дому, и я, не став дожидаться лифта, понеслась вверх по лестнице. Риэр хмыкнул, но, никак не прокомментировав мое внезапное желание размяться, двинулся следом. А я чуть не зарычала от досады. Это ощущалось как гребаное преследование, и мне остро захотелось бежать еще быстрее. Или же развернуться и броситься на него, заставляя отступить, чтобы преследовать уже самой. Видение того, так я несусь вслед за широкой спиной Риэра, маячащей впереди, в последний момент прыгаю, сбивая его с ног, как мы катимся по земле, вцепившись друг в друга и борясь за право оказаться сверху, было таким ярким, что возникло острое желание просто вышибить сволочную дверь, в замочную скважину которой я как раз остервенело тыкала ключом. Неужели так, блин, необходимо стоять прямо у меня за спиной и сопеть мне в затылок? Каждый вдох давался через усилие, кожа горела и зудела, и, ввалив-

шись в квартиру, я стала сдирать с себя одежду по дороге в ванную. В одном белье влетела в душевую кабину и захлопнула дверцу с такой силой, что та чудом уцелела. Крутанула кран холодной воды и уперлась лбом в кафель, зажмуривая глаза и стискивая зубы до хруста, чтобы не заорать и не извиваться от стегнувших по телу струй. Вода была недостаточно холодной, совершенно недостаточно, уж точно не для того, чтобы игнорировать, что Риэр и не подумал остановиться и вошел в ванную следом за мной, принося с собой этот свой пытающий меня запах. Не оборачиваясь, терла себя, смывая грязь и кровь, и точно знала, что он стоит у стены, пялится на меня сквозь матовое стекло и пахнет, пахнет, пахнет, окончательно сворачивая мне мозги набекрень. И молчит! Неужели нельзя, как всегда, нести всякий обидный и задевающий меня бред, который напомнит мне, какая же он скотина на самом деле, и мои эмоции окончательно перевесит злость, а не...

– Да чтоб тебя! – со скрипом процарапав скользкую плитку, рыкнула я и, развернувшись, с грохотом распахнула дверцу. Меня трясло, но совсем не от ледяной воды, а от желания вцепиться ногтями и зубами в его плоть и терзать, требуя того, в чем сейчас нуждалась невыносимо. Мне нужно выплеснуть люто жгущий внутри огонь... Нет, я просто взорвусь, если не сделаю с ним что-то немедленно! Кто не спрятался – я не виновата!

Риэр действительно стоял у раковины, сложив руки на го-

лой груди, и ждал. На все сто уверена: он прекрасно осведомлен о том, что со мной творится. И не просто осведомлен. Пройдясь по нему взглядом вниз, поняла, что проклятый альфа абсолютно не против возможного развития событий. За пару шагов преодолела расстояние между нами и что есть сил толкнула его в грудь, впечатывая лопатками в стену и глядя прямо в наглые глаза, горящие искрами откровенного предвкушения. Знает, все он прекрасно знает и уверен, что остановиться для меня сейчас просто не вариант. Ничего, я когда-то и как-нибудь найду способ вернуть ему сполна все, что испытываю сама. Конечно, Риэру ничего не стоило воспротивиться мне, но он только приподнял насмешливо бровь и ухмыльнулся.

– Даже вот так? – хмыкнул он.

Я же, не церемонясь, схватила за пояс его свободных брюк и рванула вниз, получая возможность убедиться воочию, что он более чем готов к тому, что я желала от него получить немедленно. Как будто я сомневалась.

– Даже вот так? – вернула я ему и слова, и ухмылку и обвела ногтем его плоский сосок.

– Маленький пупс решила поиграть во взрослые игры? Уверена, что это тебе по силам? – Он так и не шевельнулся, чего не сказать о его члене, который дернулся, явно приветствуя мои непристойные поползновения.

– Я бы на твоём месте о своих силах переживала, большой старый волк! – нагло огрызнулась я. – А то вдруг не потянешь

играть на равных!

Глава 20. Провокаторша

Риэр зло прищурился, сверля меня взглядом, и словно по обнаженным нервам омыло ощущением близости к непосредственной опасности, воплощением которой он являлся. Однако вместо страха это пробуждало некий почти нездоровый азарт, какого прежде никогда не испытывала, и я уставилась в ответ и провела ногтями вниз от его груди к животу, оставляя еле заметные красные полосы. Но только основание ладони наткнулось на уже повлажневшую, гладкую твердую плоть, как Риэр молниеносно схватил за запястье и вздернул его вверх, одновременно стремительно разворачивая нас и вжимая теперь меня в плитку, еще хранившую тепло его тела. Мстя ему за это, я оставила четыре новые отметины на другой стороне его торса, наслаждаясь конвульсивным сокращением рельефных мышц под моим нажимом и щекочущим прикосновением темных жестких волосков, но и вторая рука была схвачена, и теперь Риэр вздернул меня выше, так что кончики пальцев на ногах едва касались пола.

– С чего ты решила, что я вообще хочу с тобой играть, наглый ты пупс! – проворчал он, впрочем, теперь совсем не внушая мне опасений. Скорее, вдруг стало как-то горько и... смешно, что ли. Надо же, кобель, окучивающий, как я понимаю, целую толпу баб, пытается убедить меня, что счел недостойной своего высочайшего внимания! Вот только что

же тогда он пялится так плотоядно на мою приподнявшуюся в таком положении грудь? И отчего этот взгляд ощущается откровенной бесстыдной лаской, от которой я начинаю задыхаться?

— О, нет? — нахально фыркнув, я изогнулась и, чуть подтянувшись, быстро обвила его бедра ногами, провокационно прижавшись к налитому кровью стволу, и тот отреагировал серией коротких, но мощных содроганий. — Я так и подумала, что это больше всего похоже на твердый отказ!

Риэр откинул голову, позволяя мне насладиться видом его нервно дернувшегося кадыка, протяжно выдохнул и пробормотал что-то невнятно-злое, и от этого в мое и так бесконтрольно разгорающееся возбуждение будто щедро плеснули чего-то взрывоопасного. Бедра дернулись сами собой, создавая влажное трение, призванное хоть немного облегчить это затянувшееся поджаривание заживо. Но стало только хуже, и я сдавленно зашипела и потерлась уже абсолютно осмысленно. Да наплевать, если кое-кто тут намерен изображать из себя нечто неживое, то пусть пеняет на себя, когда я эгоистично использую его тупо как предмет для собственного удовлетворения! Но подлый альфа решил лишить меня и этого. Навалившись так, что едва могла вдохнуть, он полностью лишил меня возможности ерзать на нем, хотя от давления его твердости и ритмичной пульсации прямо в самом чувствительном моем месте я чуть не рванула как граната.

— Соображаешь, на что нарываешься, пупс? — угрожающе

прошептал Риэр мне на ухо, отпуская наконец руки. – Доведешь сейчас – и потом сама пощады просить будешь!

– Разве что для тебя! – огрызнулась, офигевая от собственной дерзости.

Господи, кто бы мне сказал, откуда все это вообще во мне взялось! Я, конечно, никогда не была прямо уж тихоней и целомудренной паинькой, но что бы самой на мужика бросаться, провоцировать, дразнить? Да я, собственно, никогда и не пробовала себя в роли инициатора секса, считая его занятием довольно приятным, но не тем, ради чего можно вести себя как маньячка какая-то или навязчивая прилипала. А вот сейчас такое чувство, что меня порвет и наизнанку вывернет, если долбаный Риэр не сделает уже хоть что-нибудь сам или не даст сделать мне.

– Знаешь, я игнорирую твои жалкие покусывания только потому, что знаю, как ты сейчас себя чувствуешь, и понимаю, что такое контролировать никак нельзя. – Опустив голову, Риэр неторопливо облизал шею от уха до ключицы и обратно, вызвав в глубине моего живота десятки разнившихся по своей силе тягучих судорог, вынудивших откинуть голову, подставляясь еще больше, и начать жадно хватать внезапно обжигавший воздух. – Первый раз пустить кровь – ни с чем не сравнимо. Заводит, лишает любых тормозов и контроля, заставляет почувствовать себя кем-то всемогущим. Такое не повторяется, пупс, хотя возбуждать не перестанет никогда.

Что за хрень он нес и сколько еще собирался доканывать меня этой гребаной неподвижностью? Ярость и вожделение уже достигли предела, о существовании которого я в принципе не подозревала, и мне настолько нужно стало освобождение, что я вполне была готова вырвать его зубами, если этот проклятуший альфа не даст мне его добровольно. Инстинкта самосохранения или понимания несоизмеримости наших сил в пределах досягаемости разума просто не осталось.

– Слушай, если ты из тех, кто так долго запрягает и любит перед сексом обстоятельно поболтать, то я могу смотаться на кухню выпить чайку и вернуться, когда ты закончишь с этой своей прелюдией! – сквозь зубы прорычала я, извиваясь всем телом в тщетной попытке получить хоть чуть необходимого движения, а потом, окончательно озлившись, цапнула Риэра за подбородок. Сильно. Жалкие покусывания, говоришь? Пустить кровь?

Реакция была мгновенной. Риэр издал какой-то нечеловечески-вибрирующий звук и резко крутнул бедрами, врываясь в меня безошибочным кратким движением. Никакой тебе помощи рук, как у моих прежних партнеров, и поиска идеального угла. Толчок – и он уже внутри, пусть совсем немного, но достаточно, чтобы вырвать у меня вскрик.

– Долбанный ты снайпер! – прохрипела, пытаюсь опуститься и получить еще больше. Кажется, еще совсем немного, самую малость, и вот оно счастье, ослепительное и сносящее

крышу, пусть и примитивное и кратковременное.

– Тише, Рори, мелкая ты кусачая засранка! – сипло прошептал альфа, впиваясь пальцами в мои бедра и снова лишая подвижности. Да сколько можно-то!

Мои зубы клацнули в миллиметре от лица успевшего отклониться Риэра. Ладно, понятно: дважды один и тот же маневр с этим мучителем не срабатывает.

– Спокойно, говорю, дикий ты мой пупс, – рассмеялся он, доводя меня до бешенства, и опустил на себя еще немного, опять заставляя громко всхлипнуть от ядерной смеси жгучего наслаждения и болезненной предельной наполненности. – Когда я трахаю женщину, она должна на утро млеть от удовольствия и вспоминать только его, а не охать и ходить в раскорячку. Прояви терпение – и будет тебе счастье, Рори.

Терпение? Какое может быть терпение, когда все тело уже трясет и сводит внутри и снаружи, когда пот ручьем, когда в глазах мутная пелена, когда вот-вот сердце выпрыгнет через рот и легкие взорвутся. Для удовольствия он трахает! Женщин. Кобелище самодовольный! Окончательно озверев, я полоснула сверху вниз по спине Риэра ногтями обеих рук и, добравшись до его напряженной, как деревяшка, задницы, вонзила их намеренно сильно.

– Ах ты ж зараза! – зарычал альфа и вогнал себя в мое тело таким мощным толчком до предела, словно просто не мог противиться этому. – Ну, сама напросилась! Ты у меня так выть будешь, что соседям завтра в глаза смотреть не смо-

жешь!

– Много текс... – хотела опять съязвить я, но заткнулась на полуслове, задохнувшись.

И да, Риэр, конечно, был скотиной, хамом и кобелем, но кобелем высшей, мать ее, пробы. И обещания он свои исполнил. Заставил и кричать, и выть, и рыдать в изнеможении, и просить пощады. Знать не знала всю жизнь, что есть столько на моем теле чувствительных мест и до какой степени бесстыдства могу дойти за одну только ночь. И закончилось то сексуальное безумие, в которое он меня окунул с головой, только потому, что в какой-то момент я просто вырубилась, окончательно измотанная. И очнулась от того, что Риэр бесцеремонно тряс меня за плечо, требуя проснуться.

– Подъем, пупс! – бодро скомандовал он.

Надо же, ночью я была «Рори», «детка», «дикий котенок», «сладкая девочка» даже, а сейчас снова пупс?

– Ну, давай же проснись! – недовольно проворчал уже полностью одетый альфа. – У меня куча дел, и я не могу дожидаться, пока ты выплывешь!

– Да в чем дело-то?! – скрипуче возмутилась я, потрогала слегка саднящее горло и села, осматриваясь в практически разгромленной нами спальне.

– Я обещал перед уходом поведать тебе основные правила выживания в твоем новом качестве, пупс. Поэтому пойдешь, не знаю там, умойся, холодный душ прими, кофе выпей, но только живее. Я расскажу все один раз и повторяться не со-

бираюсь. Прослушаешь – пеняй на себя!

Глава 21. Правила

– Да ты по утрам, смотрю, прям романтическая греза любой женщины, – пробормотала я, потягиваясь и прислушиваясь к своим ощущениям. Ожидаемо, что после вчерашних экшен-приключений и последующей постельной борьбы без правил вкупе с акробатикой у меня должно болеть все и везде. Некая ломота была, но совсем не той силы, которую было бы логично предположить. Плюсы моей измененной сущности? Вот просто уверена, что они будут более чем щедро перекрыты минусами.

Риэр никак не отреагировал на мое колкое замечание, да и я не ожидала же от него томного пробуждения, легкого завтрака в постель и признания, что я была неподражаема в своей страсти. Ну, разве что, может, хоть подобия улыбки, а не насмешливой ухмылки типа «чего я там не видел», когда я натягивала на голое тело халат. Или хотя бы притворно-заботливого «ты в порядке?», а не безразличного «быстрее шевелись!» Да и ладно, переживу и без этих чрезмерных проявлений нежности. Сказать по правде, завтрак в постель у меня случился лишь однажды, в самом начале наших псевдо-отношений с Олежеком. Он притарабанил мне субботним утром в постель горелую глазунью из двух яиц и кофе, по вкусу больше похожий на смолу, чем реально шокировал меня. Впрочем, шок быстро прошел, когда он стал мямлить о

том, что совершенно случайно вчера нарвался в торговом центре на распродажу каких-то супер-пупер крутых игр и как-то внезапно потратил на них всю свою зарплату и пожить нам придется на мою. Эх, я, лохушка наивная, тогда и правда поверила в неблагоприятное стечение искушающих обстоятельств для бедного парнишки с такими честными глазками. Дура идиотская! Надо было ему еще тогда пинка дать, пусть катился бы с лестницы. А яичницу его гадкую на башку скинуть и кофе заполировать!

– Пупс! Ты меня слушаешь вообще?! – раздраженно окликнул меня Риэр, и я, моргнув, уставилась на него, стоявшего в углу кухни и недовольно взиравшего на меня.

– Слушаю! – ворчливо ответила, недоумевая от того, что степень моей стервозности быстро стала прогрессировать. Ну, а с другой стороны, мне так «везет» на мужиков в последнее время, что тут только два варианта: стать циничной и вечно огрызающейся язвой или терпеливо все сносящей овцой. Пушистое и кучерявое мне не нравилось никогда, так что вторая роль точно не для меня.

– Правило номер раз! – четко произнес альфа, концентрируя на себе мое внимание. – Хотя точнее будет назвать это законом единым и непреложным для всех оборотней вне зависимости от их происхождения. Мы НИКОГДА не рассказываем людям о своей сущности.

– Если так, то откуда все эти легенды, книжки, фильмы и байки? – недоверчиво усмехнулась я.

– Пофиг откуда, пупс! Но ты никогда никому не должна говорить, что больше не человек. Даже если сыщется какой-нибудь неудачник, в которого ты влюбишься до гроба, и его угораздит влюбиться в такую колючую заразу в ответ, ты никогда не сможешь сказать ему, что ты такое. В противном случае, если об этом узнают, наказанием будет смерть для обоих.

– Ладно, с этим понятно. Молчать о том, что я теперь могу превращаться в здоровую псину, тем более чем тут гордиться-то? – ответила и тут же в воображении возникла красочная картинка, как я появляюсь на каком-нибудь ток-шоу талантов на ТВ и в прямом эфире заявляю: «Привет, ребята, а я умею обрастать шерстью, бегать на четырех лапах и обливаться прохожих! Правда замечательный талант?!» и тут же обращаюсь у всех на глазах. Вот фурор-то был бы!

– Пупс, сравнение с псами чрезвычайно травмирует нежную психику оборотней, – пристально глядя на меня, поправил Риэр. – Причем настолько, что травмировать могут тебя, да так, что прям насмерть. Поняла?

– Ясно, правило номер два: встречу оборотня – собакой не обзывать, ибо чревато, – послушно кивнула я.

– Нет. Правило номер два: увидишь или учуешь оборотня – переходи на другую сторону улицы, а еще лучше вообще вали оттуда как можно быстрее и дальше. Не пялься, не приближайся, не пытайся завести разговор. Но и не беги. Просто сделай вид, что не заметила, и уходи.

– Но почему? Мне казалось, в том клубе, куда ты меня водил, были оборотни и много.

– Верно, но тебе в такие места пока вход закрыт. До тех пор, пока ты не овладеешь контролем над оборотом и не освободишься от Лунного притяжения и к тому же не наберешь хоть первоначальный уровень силы, чтобы суметь защитить себя, соваться туда не смей. Там могут прикончить за дерзкий прямой взгляд, за длинный колючий язык, – альфа сделал красноречивую паузу, изгибая бровь с «да-да, это именно про тебя» видом, – да просто за то, что ты слабее и все вокруг способны это чувствовать. Ну или есть вариант быть захваченной и стать чьей-то секс-игрушкой или грушей для битья.

– Тебя послушать, так среди оборотней сплошь одни мрази, садисты и секс-маньяки, – нахмурившись, пробормотала я.

– А тебе случилось встретить других? – ухмыльнулся Ригер.

– Самоирония, да неужели? – деланно всплеснула я руками.

– Не раскатывай на это губешки, пупс, – строго одернул меня альфа. – Здесь дело в другом. У каждой стаи есть территория, на которой царь и бог – тамошний альфа. Чаще всего это отдельно стоящие поселения, живут в них оборотни обособленно в своей среде. Там поддерживается установленный альфой порядок и жесткая иерархия. В большин-

стве случаев никакой беспредел и насилие не приветствуются, несладко приходится только новообращенным, которых берут в эту «семью», да и то только первое время. Если они выдерживают и приживаются, то все у них бывает хорошо. Но большие города являются ничейной землей, и обретаются здесь все те, кто по каким-либо причинам в стаях не ужился сам или был изгнан. Ничьей власти над этими праздно шатающимися нет, человеческим законам они также не особо следуют и моральными принципами чаще всего тоже не обременены. Главное жизненное правило у них – кто сильнее, тот и сверху. Сама делай выводы, что это за контингент и стоит ли тебе заводить с ними знакомство в надежде найти одного нормального парня среди сотен потенциально способных навредить тебе придурков.

– Почему сразу парня? – хмыкнула я, размышляя, однако, над услышанным.

– И то верно, после меня тебе разве что с девочками пробовать. Планка-то теперь высоковата, – нагло оскалился Ри-эр, и я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Нет, ну реально, если у этого мужика и была необыкновенно притягательная энергетика, то все ее действие он успешно мог рассеивать, ляпнув что-то такое. Но нет, вывести себя из равновесия я этому самодовольному индюку не позволю.

– Думаешь, перевернул мой мир этой ночью? – фыркнула, небрежно дернув плечом.

– Уверен, что пошатнул его изрядно, детка, – продолжил

он довольно лыбиться.

Тьфу, как же хочется запустить сахарницей в его наглую физиономию. Но не стану доставлять ему удовольствие созерцать мой гнев, чего он, похоже, и добивается.

– Знаешь, не стоит переносить собственные незабываемые переживания на других, альфа, – отвернувшись, я воодружила турку на огонь. – Велика вероятность ошибиться.

– Точно, пупс, не забывай следовать этому правилу, и все у тебя будет прекрасно и без разочарований.

– Чтобы разочароваться, надо сначала очароваться. А это точно не про меня. И не про тебя.

– Вот и прекрасно. Но к слову и как вступление к третьему правилу: ты всегда можешь снова получить шанс запрыгнуть на эротический аттракцион имени меня, если будешь милой и попросишь об этом вежливо или предложишь в качестве расчета за предоставление убежища на время полнолуний.

– А мне нужно будет убежище? – удивилась я.

– Естественно, – фыркнул Риэр с «не тупи, детка» видом. – Пока ты не контролируешь оборот самостоятельно и зависишь от фаз Луны, безопасное место тебе просто жизненно необходимо.

– А просто так ты его, конечно, не предоставишь, – спросила, не скрывая язвительности, хотя уже знала ответ.

– С чего бы мне делать это? Часть моего бизнеса – это предоставление таким, как ты, места для оборота на моей территории в полнолуние и охрана, пока вы резвитесь в зве-

риной форме, от всех угроз в обмен на денежные знаки или всевозможные услуги. С тобой, так и быть, сексуального характера.

– Неужто гарем свободных и независимых дамочек, поклоняющихся твоему члену, не в состоянии справиться с твоим темпераментом, и хочешь меня в него добавить?

Риэр помрачнел и недобро прищурился. Наклонившись, он уперся в край стола ладонями, нависая и вынуждая смотреть снизу вверх. В кухне вдруг будто резко похолодало.

– Знаешь, в чем проблема большинства баб? – презрительно искривив красиво... да в задницу!.. просто четко очерченные губы, процедил он.

– Просвети меня! – нарочно широко распахнула я глаза, готовая внимать истине.

– Вы вечно мните себя кем-то, у кого автоматически должны быть эксклюзивные права на мужика, с которым хоть разок переспали! Жадные, ревнивые и не готовые делиться, думаете, что осчастлививаете мужика, если позволяете себя трахнуть. Вместо того чтобы удовольствоваться фактом, что он делает это хорошо, быть за это благодарными и тем и ограничиться. Но нет же, вы эгоистичны и хотите, чтобы такое было только лично у вас и не перепало никому больше! Наглые, желающие подгрести под себя все сучки!

С каждым словом он звучал все жестче и злее и под конец уже откровенно рычал.

– А чего это ты так взвился? – недоуменно и наиграно

невинно похлопала я ресницами. – Не припомню, чтобы я сейчас претендовала на тебя частично или полностью, или вообще заявляла, что намерена спать с тобой еще хоть когда-то! Может, мы вернемся к обсуждению дальнейших правил, а свою пламенную речь о том, как тяжела твоя судьба сексуального альтруиста и как твоих лучших побуждений не ценят и не понимают те, на кого они направлены, толкнешь перед кем-нибудь другим?

Риэр наградил меня тяжелым, гневным взглядом и, шумно выдохнув, выпрямился, отступая от стола.

– Кончились правила, пупс. Просто теперь вбей себе в голову раз и навсегда, что ближайшие лет пять ты должна отслеживать фазы Луны как наиважнейшую вещь в своей жизни и всегда иметь надежное место для того, чтобы пережить полнолуние! И желательно, чтобы это было некое ограниченное и уединенное пространство, если не хочешь утром оказаться голышом незнамо где и с кем.

Вытащив из кармана бумажник, он выудил визитку и швырнул ее на стол передо мной. Очевидно, мое обучение он счел на этом завершенным.

– Если будут еще вопросы – звони, но только по делу, а не чтобы страстно подышать мне в ухо, когда между ног зачесется. Секс по телефону – не мой профиль! – развернувшись, он пошел по коридору к входной двери и крикнул уже оттуда: – Если вдруг кто-то станет напрягать, то ссылайся на то, что я твой альфа. Не поможет – тоже звони, решу.

«Но не за просто так» не было произнесено, но повисло в воздухе, когда Риэр покинул наконец мою квартиру.

Глава 22. Сюрприз

Кофе благополучно сбежал, залив огонь, да и пить его как-то резко перехотелось. Как только я осталась одна, сразу будто слегка сдулась. Согнувшись, прижалась щекой к прохладной столешнице, позволяя себе чуточку побыть выдохшейся бескостной массой с реальными эмоциями и рефлексией. Нет, раскисать уж совсем в мои планы не входило, но небольшая передышка от образа «Рори-крутышка, ее ничем не пронять» мне была просто жизненно необходима. Все вокруг и во мне самой поменялось с такой стремительностью, что и обмозговать, и до конца осознать-то времени не оказалось. А вот сейчас пора разложить все по полочкам.

Во-первых, впадать в истерику от самого того факта, что я теперь не совсем человек, не собираюсь. Какой смысл бухнуться на пол и рыдать с воплями: «Ах, Боже мой, я превратилась в чудовище из мифов, сделайте с этим что-нибудь»? Я – все та же я, просто изменились некие обстоятельства, и к ним мне следует привыкнуть и постараться найти свои плюсы. Типа, как тебя неудачно обкорнали в салоне, и ты жешь как расстроена поначалу, аж до истерики, но постепенно перестаешь пугаться себя каждый раз, проходя мимо зеркала, а спустя пару недель так вообще начинаешь кайфовать от того, что в итоге вышло. Дурацкое сравнение, согласна, но сама метода психологического привыкания вполне подходящая.

Итак, я оборотень, и мне нужно следить за фазами Луны и подготовить себе убежище до следующего полнолуния. Не поднимая головы, скосила глаза на визитку Риэра, так и лежавшую на столе. Нет, к нему за помощью если еще и обращусь, то только в самой-пресамой поганой ситуации, когда вот больше никак. И дело совсем не в том, что он так просто встал и... и ушел. Или все же в том, хоть это и неправильно. Это ведь у меня подобное секс-приключение впервые, у него же, поди, день-через день. Учитывая, сколько ему лет, уже давно потерялась, наверное, новизна от такого рода увеселительных событий... Кстати, а сколько ему лет, интересно? Нет, не интересно, Рори, и вернемся к нашим баранам, а точнее к кобелям. Так вот, чувствовать себя обиженной и оскорбленной из-за той легкости, с которой Риэр покинул мою постель и квартиру, я не считала хоть сколько-то продуктивным, хотя все же там, внутри, скреблось немного. Ну женщина я, в конце концов, или где? Но и обращаться снова за помощью в вопросах устройства оборотнячего быта к этому альфе, априори будучи в курсе, что за нее придется расплачиваться довольно экзотичным для меня образом, не собиралась. Хотя бы потому, что, если взимать эту плату он будет так же, как этой ночью помогал мне расслабиться... ну или что это вообще было. А, не важно! Короче, я реально теперь имею представление, почему Мила и остальные «подсели» на Риэра. Но раз формат отношений «перепихнулись-разбежались» не для меня, то не стоит и допускать по-

вторений. Я же сама хотела, чтобы Риэр растворился в тумане как можно скорее, так что спасибо ему за то, что сделал именно это, и начинай, Рори, думать, как жить дальше будем самостоятельно, тем более, вообще-то, не привыкать. Конечно, как любой нормальный человек, я пыталась избавиться от одиночества, после того как папы не стало, но все мои отношения оказались совсем не тем, о чем мечталось. С дружбой как-то не срасталось, а любовь... Очевидно, я притягивала каких-то неправильных мужчин, которые, вместо того чтобы дать ощущение защищенности и надежности, присасывались ко мне и пытались каким-либо образом использовать. Вон, кстати, Риэр туда же. Ты – мне, я – тебе. У этого, по крайней мере, подразумевалось хоть какое-то телодвижение в мою пользу, не то что у моих бывших. Хотя, нужно быть честной, всегда в такого рода схеме я окажусь той, кого поимеют, потому как сама людей использовать не умею, даже если очень сильно захочу. Поиспользовала Риэра ночью и что? И ничего... ну в смысле плохого, разве что только этот нудеж где-то там, на заднем плане сознания, что будь он хоть немного не таким засранцем... Ага, и я прям решила бы побороться за него со всеми его бабами? Смешно ведь! Это я-то, с моими глубоко зарытыми, но так и не сдохшими мечтами о чрезвычайно прозорливом и чувствительном, ну не принце, да, но мужчине, который, глянув на меня, сразу поймет, что вот она я, единственная, и других просто не существует. Аминь, аллилуйя и во веки веков! Зараза, как бы упо-

коить с миром эти фантазии родом из глупого детства, а то лезут и лезут каждый раз, как зомбяки неумные какие-то! Я громко фыркнула, сдувая визитку со стола, и выпрямилась. В общем, с этого момента я официально признаю, что к моему берегу прибывает один отстой, и искать мужского общества категорически отказываюсь. Все равно, что ни выберу, все дерьмо, хоть и разного качества. Решено, Рори, терпящая кого-то в своей жизни, только чтобы не быть совсем одной, вся вышла. Как там Риэр сказал? «Эгоистичные и жадные, все себе и под себя»? Типа того. Вот теперь все, что меня волнует, – это я, я и только я! Да будет так! Для начала озадачусь вопросом оптимизации нового быта. Интересно, а шеф будет мне давать ежемесячно отгулы на пару дней или пнет после первых нескольких раз? Мужик он хороший, вон отпуск же этот дал без лишних вопросов... Ма-а-ать! Отпуск! Который закончился, между прочим, как раз вчера! Ну все, поздравляю, Рори, ты сто процентов безработная!

Подорвавшись, как от заряда соли в мягкое место, я заметалась по квартире, собираясь в бешеном темпе и матеря под нос долбаного Риэра и всех оборотней в мире в целом. Краткий взгляд на телефон поведал, что СМС или звонков с работы не было. Это плохо или хорошо? На мне молча поставили крест, или же терпеливо дают шанс? Валерий Александрович, известный так же как мой шеф и человек той самой «старой школы», чтобы это ни значило, опоздания ненавидел люто, и пару раз мне случалось выхватить у него таких

люлей, что опаздывать я больше не позволяла себе никогда за все четыре года работы на него. В остальном же он был дядька очень замечательный, понимающий, отзывчивый, и у нас установилось гармоничное рабочее взаимопонимание. Мне действительно нравилось быть его личным помощником, а ему нравилось, как я справляюсь с этой работой. Оказаться перед необходимостью искать новую было бы сейчас обидно. Будто у меня других забот не хватало.

Запрыгнув в маршрутку, я плюхнулась на сиденье и, переведя дух, осмотрелась. Вот интересно, а как я должна, по мнению Риэра, издалека узнавать оборотней, чтобы обходить их десятой дорогой? Стараясь не выглядеть глупо, пригнухалась, выясняя, что в салоне микроавтобуса на данный момент только люди, и громко чихнула. Вот это коктейльчик из ароматов, должна я сказать. Парфюмы, дезодоранты, зубная паста, стиральные порошки, даже крем для обуви и еще масса черт-те чего химического, а из-под всего этого шквала синтетики – личный запах тела и эмоций каждого. Вон тот парень, яростно строчащий кому-то сообщения, царапающе-горько фонил злостью, хотя лицо было невозмутимым. Женщина средних лет, со слишком ярким для утра макияжем и царственной осанкой, неотрывно глядящая в окно, пахла застарелым кислым отчаяньем и тоской. А это что за жгуче-приторная вонь, и от кого исходит? Покосившись назад через плечо, натолкнулась на пристальный взгляд грузного мужика лет сорока, который гадко подмигнул мне и

оскалился. Похоть, вот чем от него несло. Именно похотью, а не желанием, потому что я помню, как пахло возбуждение Риэра. Или все дело в том, что он не человек? Так, Рори, ну серьезно, какого хрена? Не думать больше о Риэре, на другое обрати свое внимание. А именно: вау, я что, теперь смогу определять настоящее настроение людей, только их понюхав? Это же сродни тому, как уметь читать чьи-то мысли. Прямо какая-то суперспособность... ну, если отбросить тот факт, что от такого обилия обонятельной инфы у меня вполне может вскипеть мозг.

В носу жутко зачесалось, и глаза прямо заслезились. Если так и дальше пойдет, то в общественном транспорте придется ездить с затычками в ноздрях или осваивать бег трусцой до рабочего места. Как-то непродуманно это у оборотней выходит. Или, может, со временем я научусь фильтровать, что надо улавливать, а что нет?

Через проходную я проскакала на курьерской скорости, и на попытку охранника Коли что-то сказать мне только отмахнулась, крикнув: «Потом!» По коридорам пронеслась, отмечая лишь краем глаза, что как-то много народу тут шляется, вместо того чтобы на рабочих местах сидеть. Но я уже опаздывала на пятнадцать минут, так что чужое празднество меня не волновало. Точнее, естественно, будет сказать, что опоздала я на сутки и пятнадцать минут, но это уже если только сильно придирааться. Влетев в приемную, где мое место пустовало, что не могло не радовать и не обнадеживать,

быстренько повесила плащ в шкаф.

– Привет, Аврора! – голос, раздавшийся за спиной, был знаком, хоть и звучал теперь по-иному.

Резко развернувшись, я оказалась лицом к лицу со своей прям настоящей первой любовью, он же Максим Карелин, сын моего шефа.

– Максим... Валерьевич, здравствуйте! – хмурясь, ответила я. Вот уж сто лет не виделись, и еще двести не хотелось бы.

Максим изменился, возмужал, плечи под дизайнерским пиджаком стали шире, выражение зеленющих глаз жестче, даже подбородок, обрамленный модной бородкой, вроде как стал более волевым, вот только этот чуть капризный изгиб его тонковатых губ никуда не делся. Когда-то он казался мне необычайно притягательным и загадочным, это только потом я поняла, что он отражает лишь действительность. Максим Валерьевич всегда был своевольным избалованным мальчишкой, тянущим руки ко всему что, пожелается, а получив это, быстро теряет интерес.

– Да брось, Аврора, пока мы наедине, можешь обращаться ко мне как раньше – просто по имени, но при сотрудниках, конечно, стоит соблюдать субординацию. – Он протянул мне руку, сверкнув массивными часами и ослепительной белозубой улыбкой, которая, однако, тут же померкла, сменившись выражением грусти и озабоченности. И пахло от него так же – печалью, беспокойством и немного страхом из-под мощ-

ного шлейфа какого-то дорогущего парфюма, призванного сигнализировать об уверенности в себе и сексуальности.

Погодите, минуточку, что-то я не понимаю.

– Ты что же, теперь будешь работать здесь, с отцом? – настороженно прищурилась я.

– Точно, я буду теперь работать прямо здесь, – Максим указал на дверь отцовского кабинета. – У отца был инсульт позавчера, ты что, не в курсе?

Я растерянно покачала головой и посмотрела на дверь, отмечая, что прежняя табличка с именем пропала. А новую, видимо, просто еще не сделали.

– Сочувствую! – пробормотала наконец, пожимая протянутую руку Максима, и он задержал мою ладонь. Как же так, ведь был такой крепкий, здоровый мужик, ничего же не предвещало!

– Ты теперь моя секретарша, и надеюсь, поможешь мне побыстрее вникнуть в дела? – сжал он почти ласково мои пальцы и посмотрел в глаза пристально, со значением и-и-и-и-и опа! Меня тут же окатило запахом похоти, да такой мощной, что я невольно шагнула назад, освобождая руку. Сюрприз-сюрприз, а у мальчика, как видно, давнишняя эротическая фантазия, как он имеет меня, нагнув над отцовским столом. Или не обязательно так, и весьма надеюсь, что не обязательно меня, но однако же.

– Я твой личный помощник, – поправила я, само собой, понимая, что ни хрена для Макса это не меняло. – И да, я с

радостью тебе помогу во всем, что касается рабочих вопросов.

— Вот и замечательно, а пока кофейку сваргань, как я люблю, и принеси! — распорядился новый шеф и ушел в свой кабинет. Будто я помню, как он любит!

Что же, теперь, как ни крути, новую работу искать придется. Не вот прямо сейчас, но... Ибо хуже, чем бывший парень, работающий рядом с тобой, может быть только бывший — твой начальник, который, очень похоже, совсем не против воспользоваться своим служебным положением в сугубо личных целях. Говорю же, что-то сильно не так с мужчинами в моей жизни.

Глава 23. Премия

– Ты не забыла! – расцвел в улыбке Максим... Валерьевич, делая крошечный глоточек. – Это так приятно, Аврора.

И напрасно, потому что я даже угадать не пыталась – сделала кофе, как прежнему шефу... Эх, ну как же это не вовремя с ним случилось, прости господи меня, заразу такую эгоистичную. У человека болезнь тяжелейшая, горе, а я тут над своими заморочками причитаю. Ну да ладно, прорвемся как-нибудь.

– Ты так изменилась. – Изучающий, липнувший к коже взгляд поверх чашки и новая волна похотливого аромата, докатившаяся до меня, заставили снова почувствовать себя неудобно. – Прежде была просто маленькой милой девчонкой, а сейчас... м-хм... от тебя глаз не оторвать, Аврора. Сколько прошло...

– Четыре года, Максим Валерьевич, – напомнила я, и мужчина поморщился от официального обращения.

– Аврора, я же просил! – А я забила!

Ага, прежде я была миленькой, доверчивой и ранимой после потери дурындой, которую ты очаровал, поимел и бросил. И, видимо, считаешь, что стала я еще глупее, чем тогда, если думаешь, что снова поведусь на твои трепетные взоры и банальные комплименты... Хотя... Почему бы и нет? Ведь надо же когда-то начинать учиться приспособливаться. Нет,

конечно, снова поддаваться я не собираюсь, но немного поиграть в то, что принимаю ухаживания, пока мне не светит новое место, можно. В конце концов, это будет нечто вроде возмездия. Прежде Максимка обдурил меня, а теперь имею право ответить тем же. Мне бы пережить первый самостоятельный оборот и понять, по зубам ли автономное существование в мире оборотней, а потом уже озадачиваться проблемами трудоустройства и хлебов насущных.

– Прости, Макс, но сам этот кабинет отключает во мне всякую способность к неформальному общению! – изобразила я слегка вымученную и самую чуточку кокетливую улыбочку и засекла огонек, мелькнувший в его глазах. Будто замечку себе поставил – с заигрываний здесь не начинать. И то радуется. – Тебе какая-то моя помощь была нужна? Если да, то скажи, а то эти девочки, что меня подменяли, устроили такой бардак в документации, что мне теперь, не поднимая головы, не представляю сколько разгребать.

И, между прочим, ни капли лжи! Узнаю, кто такое натворил в моем идеальном порядке, – руки поотрываю на фиг!

– В самом деле? – наигранно сочувствующе спросил начальственный отпрыск. – Тогда мои вопросы подождут, Аврора! Я уже и сам потихоньку понимать начинаю. Иди, займись своими делами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.